

ДОБРЫЕ КНИГИ ИРИНЫ МАРТОВОЙ

ИРИНА
Мартова

СВЕТИТЬ, ЛЮБИТЬ
И ПРОЩАТЬ

Ирина Мартова

Светить, любить и прощать

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50391576

Светить, любить и прощать: Художественная литература; М.; 2019

ISBN 978-5-280-03881-3

Аннотация

В новой книге Ирины Мартовой «Светить, любить и прощать...» автор увлекательно и психологически точно рассказывает о судьбах удивительных женщин-коллег и подруг, которые, несмотря на сложности, возникающие на их жизненном пути, сумели не потерять себя в суматохе дней и сохранить свой свет в душе.

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	48
Глава 6	59
Глава 7	68
Глава 8	77
Глава 9	87
Глава 10	98
Глава 11	109
Глава 12	122
Глава 13	137
Глава 14	151
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Ирина Мартова

Светить, любить и прощать

АРИНЕ. С БЕСКОНЕЧНОЙ ЛЮБОВЬЮ...

© Текст. И. Мартова. 2019

© Оформление. Ю. Леонов 2019

© Издательство «Художественная литература», 2019

*Прощаю тех, кто добрые слова
Мне говорил, не веря в них нисколько.
И все-таки, как ни было мне горько,
Доверчивость моя была права...*

Андрей Дементьев

Вместо предисловия

Он шел мне навстречу. Ссутулившийся, поседевший, погрубевший.... Он ступал медленно, внимательно глядя себе под ноги. Когда-то широкие и мужественные его плечи теперь опустились вниз, стали покатыми и узкими, загоревшее лицо выражало какую-то странную растерянность. Он шел мне навстречу. Руки, покачивающиеся в такт большим, тяжелым шагам, то сжимались, то разжимались, инстинктивно складываясь в потные кулаки. Глаза, окруженные белесыми ресницами, подергивались непрошенной слезой, набегавшей то ли от волнения, то ли от накатившегося вдруг напряжения. Он шел мне навстречу. Он. Моя несбывшаяся любовь... Мое прошлое. Мое былое счастье.

Глава 1

Марта Михайловна сидела за своим выдавшим виды столом на кафедре русской литературы и сосредоточенно глядела в ведомость, только что принесенную белобрысой Соней, новенькой лаборанткой, с понедельника приступившей к работе. Соня явно нервничала и от этого беспокойно переступала с ноги на ногу.

Марта, сдвинув изящные очки пониже, подняла на девушку удивленный взгляд:

– Что это с Вами, Соня? Чего Вы топчетесь, словно иноходец, готовящийся к старту на длинную дистанцию? А?

Вспыхнув ярким румянцем, Софья как-то потерянно оглянулась, словно надеясь, что это замечание к ней не относится, но, убедившись, что никого другого в этой большой комнате нет, глубоко вздохнула и, сделав робкий шаг вперед к столу заведующей кафедрой, проговорила, запинаясь:

– Там, Марта Михайловна, уже студенты пришли... Много...

Марта, нахмурившись, опять подняла на нее глаза:

– Какие еще студенты? Чьи?

Девушка, совсем растерявшись, залепетала чуть слышно:

– Ну, не знаю... Чьи-то... Может быть, Ваши? Говорят, что зачет по спецкурсу сдавать им назначено.

Марта Михайловна хмыкнула, неторопливо отложила ве-

домость, сняла очки и, устало потеряв натруженные глаза, неторопливо проговорила:

– Так... Понятно. Соня, послушайте меня...

Заведующая кафедрой глубоко вздохнула и, помолчав, строго глянула на белобрысую лаборантку:

– Я понимаю, что на новом месте всегда нелегко, тем более в таком месте, как у нас, но если Вы и дальше будете так теряться, нервничать и смущаться, то наши троглодиты Вас быстренько съедят. Да, да, да.... Так и будет, вот увидите!

Девушка сдвинула брови и прошептала испуганно:

– Какие еще троглодиты?

Марта Михайловна поправила седые волосы, стриженные в когда-то модное «каре» и, вздохнув, ласково улыбнулась:

– Как какие? Наши. Наши любимые студенты.

Она помолчала и, подмигнув смущенной девушке, добавила:

– Да и преподаватели у нас, деточка, такие, что палец в рот не клади... Откусят! Не нужно расслабляться, милочка. Просто будьте всегда начеку, в форме. Всегда! Понимаете?

Соня расстроено шмыгнула носом и кивнула, опустив голову. Марта недоверчиво хмыкнула и решительно попыталась:

– И расстраиваться тут нечего. Я как заведующая кафедрой просто обязана Вас предупредить. Это в Ваших же интересах. Будьте смелее, настойчивее, веселее – и дело пойдет. Не теряйтесь, даже если и ошибетесь в чем-то – это не беда.

Мы все ошибаемся и на ошибках же учимся. Падаем, потом поднимаемся, опять падаем и идем вперед. Это жизнь, а она бывает жестока и несправедлива. Не давайте ей поводов Вас обидеть. Слышите? Держите свою жизнь в черном теле, тогда Вы будете ею управлять, а не она Вами.... Вот так, милочка. Только так.

Девушка несмело улыбнулась и прошептала:

– Угу. Спасибо Вам, Марта Михайловна. Я обязательно исправлюсь. Вот только немного привыкну и все смогу. Я справлюсь. Вы не пожалеете, что меня взяли...

Седая женщина ласково кивнула:

– Вот, вот.... И отлично. Я тоже уверена, что у Вас все получится.

А потом указала на массивную дверь, за которой слышались смех и девичьи голоса, громко о чем-то спорящие:

– Ну, что ж... Позовите там кого-нибудь, выясним хотя бы для начала, к кому они все-таки пришли и какой зачет сдавать собираются.

Но не успела девушка сделать и двух шагов, как дверь распахнулась и на пороге кафедры появилась высокая, полногрудая, очень яркая женщина с короткой стрижкой. Ее черные волосы удивительно оттеняли прекрасную кожу цвета слоновой кости. А черные, чуть раскосые глаза придавали лицу выражение превосходства и глубокой уверенности. Она несла себя гордо и напористо, словно заранее сообщала всему миру: «Я всегда права».

Нина Сергеевна, переступив порог, приветливо кивнула Марте Михайловне, недоверчиво оглядела худенькую Софью и, с размаху опустившись на стул возле своего стола, шумно выдохнула:

– Фу... Как я устала сегодня! Добрый день, дамы!

Марта внимательно посмотрела на нее поверх своих изящных очечков и сложила губы в насмешливой улыбке:

– Нина, милочка, Вы что, вагоны разгружали?

Нина Сергеевна, обожавшая Марту и прекрасно знавшая ее характер, нисколько не обиделась на этот сакраментальный вопрос:

– Да вот если бы действительно разгружала – было бы не обидно! А то всего-навсего две лекции прочитала, а такое чувство, что поле вспахивала вместо комбайна.

Марта Михайловна захохотала, откинув голову чуть назад и, отсмеявшись, все-таки опять не сдержалась:

– Ну, во-первых, пашет не комбайн, а трактор, а во-вторых, мы тоже вспахиваем целину, сеем разумное, доброе, вечное....

Нина, прищурившись, подняла указательный палец:

– Вот! Точно! Сеем – посеваем... А какие всходы после этого взойдут – никому не известно!

Оглянувшись, она опять обратила внимание на девушку, все еще робко стоящую у стола справа:

– Если я не ошибаюсь – это Вы наша новая лаборантка?

Соня опасливо кивнула:

– Да.

Нина Сергеевна неожиданно приветливо улыбнулась:

– Ну и отлично. Как зовут-то тебя?

– Софья.

– Вот и давай, Сонь, действуй! А то настрадались мы тут с бывшей твоей предшественницей... Ты не дрейфь, у нас тут дружная команда. Вон... Марта Михайловна – наш вождь. Профессор, вся грудь в орденах!

Марта, ухмыльнувшись, поправила волосы и укоризненно покачала головой:

– Что ты выдумываешь, Ниночка?! Какие еще ордена...

Нина погрозила ей пальцем:

– Марта Михайловна, не скромничайте. Ну, ладно – ладно, не буду Вас смущать... Знаю – не любите Вы этого.

Нина расправила плечи, отошла к своему столу, поправила и без того безукоризненно уложенные волосы и вдруг опять оглянулась на заведующую кафедрой:

– А где же Кира? А? Там ее девчонки уже толпятся, галдят на весь этаж, говорят, что зачет явились сдавать!

Словно в ответ на этот вопрос, дверь кафедры опять распахнулась и на пороге появилась стройная женщина с волосами цвета меди. Раскрасневшись то ли от мороза, то ли от быстрой ходьбы, она приветливо улыбнулась всем присутствующим и пожала плечами:

– Вроде бы и не Новый год еще, а на дорогах такие заторы – не пройти, не проехать... Еле пробилась. Уже хотела где-

нибудь у обочины свою старушку бросить, но, слава Богу, не пришлось этого делать, успела вовремя. Жуть... И куда это люди едут? Ведь сегодня рабочий день еще?

Оглянувшись, женщина вдруг спохватилась:

– Ой, даже не поздоровалась ... Добрый всем день.

Марта Михайловна ласково посмотрела на нее поверх своих стильных очечков:

– Здравствуйте, Кира. Все Вы правильно сказали, кроме одного... Насчет «вовремя» я все же не совсем уверена, – там Ваши студенты уже полчаса нам дверь выносят.

Кира усмехнулась:

– Нет, Марта Михайловна, я-то как раз вовремя! Это ведь мои отличницы там стоят, а они, как известно, приходят всегда заранее – очередь занимают... Ну, а те, кто послабее – еще, наверное, дома книжки долистывают.

Нина прищурила свои потрясающие черные глаза и развела руками:

– Ведь говорят же, что перед смертью не надышишься... Не понимаю, чего уж в последнюю минуту за книги хвататься?

Кира хитро взглянула на нее:

– Перестань, Нина! Вспомни, как сами учились... До последней секундочки лекции из рук не выпускали!

Соня, стоя у своего стола, как замороженная глядела на них. Она и раньше слышала, что на филфаке работают необыкновенные женщины: умные, ироничные, красивые,

но теперь, попав на кафедру русской литературы XIX века, она, забыв обо все на свете, восторженно любовалась этими удивительными дамами.

Ее размышления, однако, скоро прервались нетерпеливым девичьим голосом, раздавшимся из приоткрывшейся на мгновение двери:

– Кира Ивановна, а в какой аудитории мы будем зачет сдавать?

Кира, оглянувшись, легко кивнула:

– Подождите, Марусь, минутку... Сейчас разберемся. Немножко еще потерпите...

Марта Михайловна подняла голову:

– Кира, там двадцать пятая аудитория свободна. Можете туда отправляться.

Красивая дама, оказавшаяся Кирой Ивановной, обрадовано улыбнулась:

– Отлично! Спасибо.

Сняв пальто, она пошла с ним за книжные шкафы.

Там стояли длинные, местами облупленные от времени вешалки и висело старое круглое зеркало. Его, конечно же, уже давно можно было поменять на новое, современное, большое. Но никто из преподавателей кафедры никогда даже не заикался об этом. Как можно? Ведь это круглое, чуть потемневшее зеркало, висевшее за древними книжными шкафами, видело лучших из лучших, отцов-основателей кафедры, авторов монографий и многих учебников, по которым

учились нынешние студенты.

Быстренько поправив роскошные рыже-медные волосы Кира Ивановна весело подмигнула своему отражению и, подхватив сумку, поспешила к волнующимся за порогом девчонкам. Уже выходя она обернулась к Нине Сергеевне, с которой дружила с незапамятных времен:

– Нинуль, ты уже все? Уходишь?

Нина подняла на нее свои удивительный глаза:

– Наверное, еще нет. Я лучше тебя подожду, – она кивнула на стопку папок, лежавших на ее столе, – вон сколько сразу навалилось... Тут уж не до дома, пожалуй. Курсовые работы пока посмотрю.

Кира, услышав это, довольно улыбнулась:

– Хорошо. Я пошла.

Марта лукаво бросила ей вслед:

– Терпения Вам.

Нина не удержалась и, смеясь, тоже добавила:

– И снисходительности. Не порть детям приближающийся праздник.

День плавно катился к вечеру.

Зимой ведь так и бывает.

До обеда вроде день в разгаре, а после полудня стремительно наступает вечер: воздух словно сгущается, сереет, потом синее и ранние сумерки проворно берут в плен огромный город.

Короткий день догорает быстро, нехотя погружаясь в дол-

Гую зимнюю ночь.

Глава 2

Будильник звонил долго и требовательно.

Кира, приоткрыв один глаз, протянула руку и, сонно морщась, наугад с размаху хлопнула по кнопке. В мгновенно наступившей глубокой тишине она поспешно перевернулась на бок и, натянув одеяло до подбородка, крепко зажмурила глаза. Ужасно хотелось спать.

Устроившись поудобнее, Кира затихла, надеясь досмотреть прерванный сон. Однако он, испуганный противным треском вредного будильника, улетучился куда-то, оставив лишь привкус горькой досады.

Минуты бежали...

Женщина лежала еще и, наконец, сердито вздохнув, опять открыла глаза, скосив их на светящийся рядом настырный циферблат.

– О Боже, шесть утра! – она даже застонала от бессилия. – Вот растяпа! Как же я забыла вчера отключить этого тикающего варвара... Ну, почему именно сегодня? Ведь выходной день...

Нахмурившись Кира расстроено перевернулась на спину и взглянула за окно.

Шесть утра. Еще, конечно, не светало.

Зимние рассветы наступают поздно.

Там, за окном, искусно разрисованном затейливым мо-

розов, густо темнела ночь, слабо разбавленная желтоватым светом городских фонарей. Тишина царствовала в спящем городе.

Зима бушевала.

– Ой, – огорченно вздохнула Кира, – это только со мной такое может быть! Ну, кто еще просыпается в свой законный выходной день в шесть утра? Только такие дурехи, как я!

Она полежала еще минут десять, отчаянно зажмурившись, но сон все-таки не шел.

Тогда Кира решительно откинула теплое одеяло и села на кровати, проговорив вполголоса:

– Все понятно. Продолжения, значит, уже не будет.

Женщина посмотрела по сторонам и пробормотала:

– Надо вставать... Чего лежать, бока пролеживать?

Она накинула легкий халатик на плечи, сунула ноги в старенькие, стоптанные, но очень любимые тапочки и, осторожно ступая в темноте, вышла из своей комнаты.

В квартире хозяйничала предутренняя тишина.

Было тепло и как-то по-зимнему уютно.

Громко тикали еще бабушкины ходики на стене, где-то капала вода из плохо прикрытого крана, на диване сопела всеобщая рыжая любимица Марфа.

Утренняя тишина завораживала и вызывала странное спокойствие и умиротворение.

На цыпочках, стараясь ничего не задеть в утреннем сумраке, Кира тихонько прошла по гостиной в сторону кухни.

Но как только она собралась прошмыгнуть в дверь, как из маминой комнаты послышалось беспокойное:

– Кирочка? Что такое? Что случилось?

Недовольно покачав головой, женщина резко остановилась, обернулась и негромко ответила, стараясь не разрушить предутренного очарования повисшей в квартире гармонии тишины и покоя:

– Тише, тише... Все в порядке. Спи, мамочка. Еще очень-очень рано! Отдыхай.

Мама, видно успокоившись, все же сонно проворчала:

– И ты бы полежала. Ишь, неугомонная! И чего бродишь ни свет ни заря?

Кира только улыбнулась ей в густом полумраке:

– Спи, спи... Я почитаю.

Плотно прикрыв за собой дверь, она включила на кухне свет, поставила чайник и, забравшись с ногами на старенький диванчик, стоящий в углу, задумчиво поглядела в окно.

Зима.... Ах, какая зима!

Сквозь тонкий тюль проступала свинцовая зимняя сумрачность. Озлобленно подвывал ветер, то бросая в замерзшие окна горсти резных снежинок, то сердито налетая на спящие деревья, то нервно стуча в двери подъездов и магазинов.

Свою ледяную песню пела бесчувственная метель, щедро засыпая дворы рыхлыми сугробами.

Начинался новый день.

Новый, зимний, холодный...

И уже стучали по рельсам неторопливые трамваи.

Как бежит время, — уныло покачала головой Кира, — как бежит... Вот уже и декабрь. И Новый год на пороге. И снег все валит и валит. Прямо как тогда, двадцать лет назад...

Женщина задумчиво прикрыла глаза, невольно вернувшись в тот давний-давний декабрь, когда ей едва исполнилось двадцать лет.

Тогда, много лет тому назад, все было точно также...

Зима хозяйничала всюю. Декабрь сердито выюжил и старательно морозил громадный город.

Так же мело по ночам, радуя детвору огромными сугробами. И точно также сустились люди в ожидании любимого праздника.

Все, кроме нее. Киры.

Она дохаживала девятый месяц своей трудной беременности. Непомерный живот уродовал ее чудную точеную фигуру. Лицо уже оплыло и как-то странно посерело. И только ее роскошные волосы не утратили природной солнечной яркости. Эти долгие девять бесконечных месяцев стали для нее, неопытной, молоденькой и романтической девушки большим жизненным экзаменом.

Все сплелось в тугой узел бытия, доверху заполненный мыслями о посланном испытании, о грядущем наказании, о совершенных ошибках, о своей глупости и ужасном легкомыслии...

Кира и сама не могла понять тогда, как попала в такую воронку жизни, когда все, кроме мамы и верной Нинки – вечной подруги, отвернулись от нее и без того страдающей от безысходности сложившейся ситуации. Как случилось, что у ее еще не родившегося ребенка уже не было никого: ни отца, ни друзей, ни родственников?

Никого...

А ведь все начиналось так замечательно. Так легко и просто... Так естественно и искренне!

Кира училась уже на втором курсе.

Стройная, с редким рыже-медным цветом волос, порывистая, она всегда привлекала внимание молодых людей. Понятно, что на их филфаке мужчин постоянно не хватало, но зато студенты других факультетов проходу юной красавице не давали: и встречали, и провожали, и писали записки, и назначали свидания. Кира их обожанием и вниманием, конечно, наслаждалась, но сердце ее билось спокойно и безмятежно. Никому из навязчивых ухажеров не удавалось разбудить ее истинную женскую натуру. Она никуда не торопилась. За муж не собиралась, жила в свое удовольствие: хорошо училась, полностью погружаясь в любимую литературу и легкие девичьи развлечения.

Но ведь, как говорится, ничего нельзя загадывать...

Все изменилось в одночасье.

Любовь так закружила неопытную девушку, что та, всецело отдавшись внезапно нахлынувшему чувству, пришла в

себя лишь только тогда, когда осознала, что ждет ребенка.

И сразу все перевернулось в ее размеренной девичьей жизни.

Рухнуло и посыпалось, как песочный замок, безоблачное счастье Киры. Безжалостная судьба, насмешница и завистница, жестоко проучила ее...

Взрослый самостоятельный мужчина, известный театральный художник, вскруживший девушке голову и еще вчера клявшийся в вечной любви, сразу исчез, оставив коротенькую записку, в которой всего лишь смиренно просил прощения. Родственники, не стесняясь в выражениях, пели в один голос, дружно осуждая и коря за легкомыслие. Мать, сраженная этой новостью, слегла с высоченным давлением. Кира, зареванная и опухшая, сначала безвылазно сидела дома, часами лежала на диване, глядя в стену, долго молчала, собираясь с духом, а потом...

Потом умылась, поговорила с верной Нинкой, сходила в церковь и спокойно пошла в университет. Приняла решение и стала просто жить, морально готовясь к грядущему материнству.

Все как-то незаметно успокоилось, устаканилось, перекипело, улеглось...

Зимнюю сессию на третьем курсе Кира сдавала досрочно. Ходить стало тяжело, ноги сильно отекали, безумно ныла спина, все время жутко хотелось есть и бездумно лежать.

Одинокая, оглушенная страшным предательством, обма-

нутая в лучших надеждах, она все же упрямо улыбалась всем встречным, глубоко пряча боль и обиду.

Теперь она понимала, ради чего терпела... Она ждала девочку. Дочку.

Гладила живот, в котором беспокойно ворочался ее долгожданный ребенок, разговаривала с ним, пела колыбельные песни. Плакала и смеялась, уже страстно любя еще не родившуюся малышку.

Кира тихо радовалась вдруг наступившему спокойствию, умиротворению и неожиданной гармонии, поселившейся в ее душе.

«Скорая» увезла девушку поздним вечером двадцать пятого декабря.

А утром двадцать седьмого она вышла из роддома. Одна. Оглушенная. Раздавленная. Ошеломленная.

Закрыв за собой двери родильного дома, девушка долго стояла, прислонившись спиной к холодной кирпичной стене, собираясь с силами и глотая слезы. Потом взяла под руки подбежавших к ней – маму и Нинку и пошла домой, безразлично и отрешенно глядя себе под ноги.

Все закончилось так и не начавшись.

И покатилась другая жизнь.

Не хуже и не лучше прежней... Просто совсем другая.

Жизнь взрослой женщины.

Матери без ребенка.

...Кира тяжело вздохнула, вернувшись в день нынешний.

Заварила чай, достала любимое вишневое варенье и, налив ароматный напиток в большую синюю чашку, тряхнула головой, отгоняя грустные мысли.

Что ж... Теперь, став намного старше, она уже понимала, что все проходит.

Все течет, все изменяется.

Молодость, доверчивая и неопытная, давно прошла, оставив после себя привкус скоротечности и незавершенности. Уже наступившее сорокалетие пока, правда, не огорчало, и когда-то туманное грядущее, сейчас ставшее реальностью, кажется, обещало ей абсолютно все.

Все, что угодно душе. Кроме одного...

Кира горько усмехнулась в ответ на свои мысли: а чего ж я хотела? Сорок лет – не шутка! Понятно, что время любви давно ушло. Какая уж в сорок лет любовь-то? Только курам на смех...

Дверь на кухню неожиданно распахнулась, прервав невеселые житейские размышления, и в нее осторожно вошла пожилая полная дама с седым пучком на голове.

– Мама, – Кира встревожено вскинулась, – ты чего? Ты-то почему не спишь?

Раиса Федоровна, тяжело припадая на больную ногу, шагнула к столу:

– Ой, перестань! Какой сон в моем-то возрасте? Не спится, доченька, а просто лежать сил нету. А вот ты чего, Ки-рочка? Вскочила ни свет ни заря... Не даешь покоя своей

душеньке, все хлопочешь, мечешься, тревожишься... И чего тебе не спится-то? А?

Мать глянула на дочь:

– Чайку хоть попила?

Кира ласково улыбнулась:

– Нет, еще не пила... Не успела. Но уже заварила, хочешь свежего чаю? Составишь мне компанию?

– Ну, а почему бы и нет? Налей-ка чашечку.

Заметив на столе одинокую вазочку с вареньем, мать нахмурилась:

– А ты опять за свое... Кира! Сколько раз говорила тебе – не пей пустой чай, хотя бы бутерброды себе сделай. Масло, сыр возьми... Посмотри, дочка, какая ты худющая! Просто светишься вся!

– Что ты, – насмешливо сморщилась Кира, – я так рано есть не могу. Ты посмотри, какая рань... Нормальные-то люди еще спят в теплых постелях. Да и теперь, мама, говорят совсем по-другому: не худющая, а стройная!

Мать, скептически оглядев дочку с ног до головы, недовольно хмыкнула:

– Ох, уж мне эта твоя стройность... Глупости все это, детка. По мне – так просто кожа да кости, смотреть не на что!

Кира, отмахнувшись, сделала глоток ароматного напитка и досадливо развела руками:

– Нет, вот ты мне скажи, что за наказание такое, а? Выходной день... Все отсыпаются, а мы с тобой – бестолковые

ранние птахи.

Раиса Федоровна удивленно подняла брови:

– Ну, ну, ну... – она погрозила пальцем, – насчет бестолковых ты переборщила, конечно, но...

Старушка взглянула на окно и продолжила:

– Что ранние – это точно. Еще какие ранние! Ты посмотри, как на улице темно! Вот уж точно – зима поблажек никому не дает: и морозит, и замедает, и ночь продлевает... Все как положено.

Мать перевела беспокойный взгляд на дочь:

– А, все-таки, Кира... Ты что такая хмурая с утра? Случилось чего? Ты от меня не скрывай, не таись, слышишь?

Кира пожала плечами.

– Нет, нет... Не волнуйся. Все хорошо.

Она помолчала, а потом внезапно шепотом спросила:

– Мам, а ты помнишь тот декабрь?

Ну, тот... Двадцать лет назад?

Раиса Федоровна сразу поняла, о чем идет речь, помрачнела, потемнела лицом, посуровела. Через мгновение, вздохнув, неспешно кивнула:

– А как же... Разве такое забудешь? Помню. Все помню.

Она опасливо взглянула на притихшую дочь:

– А с чего это ты об этом спрашиваешь? Что такое?

Кира задумчиво пожала плечами:

– Не знаю. Так... Вдруг вспомнилось отчего-то.

Мать провела ладонью по лицу, будто хотела стереть пе-

чальные воспоминания:

– Да, милая, страшный был декабрь... Тяжелый.

– Да, – словно эхо повторила ее дочь, – тяжелый.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись, понимая все без лишних слов.

Так бывает...

Мать и дочь... Два родных сердца.

Одна боль на двоих. Одно воспоминание....

Глава 3

Сергей Леонидович повел плечами, разминая уставшую спину. Утро сегодня выдалось нелегкое.

Поздно ночью привезли роженицу, которая в медицинской карточке значилась как «старородящая». Возраст поступившей и в самом деле оказался не юным, тридцать восемь – это хоть и не старость, но уже далеко и не молодость. Поэтому, конечно, первые роды в таком возрасте – не всегда оглушительное удовольствие.

Женщину, появившуюся в роддоме в два часа ночи, Бог характером не обидел. Она, сцепив зубы, лишь тихо стонала да время от времени спрашивала о состоянии ребенка. Бригада, дежурившая в эту беспокойную ночь, естественно, ко всему привыкла и всякое повидала, но с поступившей дамочкой все-таки намаялась: то воды рано отошли, то ребенок шел неправильно, то кровотечение началось... Пришлось врачам и акушеркам попотеть, попереживать, но все же счастье им улыбнулось, и все разрешилось благополучно.

И вот теперь, уставший, но бесконечно довольный и собой, и коллегами, заведующий роддомом присел, наконец, у себя в кабинете и перевел дух.

Дверь неслышно распахнулась и на пороге показалась медсестра, еще не ушедшая домой после ночного дежурства:

– Сергей Леонидович, извините... Можно?

– Да, Маша, проходи. Что у тебя?

Медсестра протянула заведующему пачку бумаг:

– Медицинскую карту роженицы заполнит Алла Дмитриевна... Ну, той, что ночью рожала. Отчет за полугодие Вам оставить или Варваре Петровне отдать?

Мужчина вздохнул и легко кивнул:

– Оставь, оставь... Она тоже устала. Я сам проверю, подпишу. А ты чего домой не идешь, смена-то твоя уже закончилась? А?

Маша, проработавшая много лет с Сергеем Леонидовичем, лишь пожала плечами:

– Куда уж тут домой... Успею еще. Дел по горло, сами знаете... Заведующий нахмурился:

– Дел у нас здесь всегда много. И все же, Маша, ступай домой. Отдыхать тоже надо. Иди, иди... А то завтра будешь как выжатый лимон. Давай, собирайся.

Глядя на ее уставшее лицо, заведующий поинтересовался:

– Как там дома? Все в порядке?

Маша добродушно отмахнулась:

– Да. Нормально. А что нам? Дети выросли, разъехались. Мы теперь вдвоем вечера коротаем... Скучно.

Медсестра прошла по кабинету, положила принесенные бумаги на стол и, кивнув, вышла. Но не успел заведующий взять в руки первый документ из лежащей рядом стопки, как зазвонил телефон. Досадливо поморщившись Сергей Леонидович взглянул на светящийся экран.

Но как только он понял, кто звонит, тут же поспешно ответил, чувствуя, как в груди заплескалась тихая радость:

– Да, милая?

В трубке зазвенел веселый девичий голос:

– Папуль, привет!

Мужчина засиял:

– Доброе утро! Ну, что? Ты уже на ногах?

Слушая щебетанье дочери, заведующий светился счастьем. Дочь свою он обожал. Он любил ее так сильно, что мог часами говорить с ней, поощрял любые желания, с удовольствием делал ей подарки, покупая и безделушки, и драгоценности с одинаковой щедростью. Анна отвечала отцу тем же: не скрывала от него свои проблемы, делилась девичьими радостями и бедами, советовалась, жаловалась и обязательно прислушивалась. Отношения дочери и отца складывались наполненные большой любовью и уважением и вызывали у окружающих и зависть, и изумление.

Сегодня Сергей Леонидович, к своему огорчению, говорить долго не мог:

– Анечка, я должен работать.

Прости, доченька, очень много дел.

Дочь сразу же поняла:

– Ой, а я болтаю и болтаю. Ну, все, все. Иди, спасай своих новорожденных. Целую.

Отец довольно улыбнулся, согласно кивнул и вдруг спохватился:

– Ой, подожди, милая... А ты зачем звонила-то? Что хотела? Анна поспешно затараторила:

– Я хотела тебе рассказать о практике... Но это долгий разговор, потом дома поболтаем. Все, папуль! Работай. Не хочу тебя отвлекать.

– Ну, ладно, ладно... Пока, дорогая, надо, и правда, делами заниматься. Сама понимаешь, женщины в роддоме не могут ждать... Маме привет.

Нажав кнопку отбоя, Сергей Леонидович задумался.

Отчего-то вспомнился тот далекий день, когда появилась на свет его любимица. Окунувшись проворной памятью в давний холодный и неприветливый зимний вечер, отец лишь только пожал плечами:

– И как я мог без нее жить раньше?

Ему и впрямь теперь не верилось, что когда-то его Анечки не было на свете. И он спокойно жил без нее, без ее ослепительной улыбки, без ее озорства, без блеска умных лукавых глаз.

Доктор погрузился было в сладкие воспоминания, но, тут же спохватившись, тряхнул головой и, встав из-за своего большого стола, распрямил плечи и шагнул из кабинета.

Надо работать.

Городской родильный дом жил своей обычной жизнью.

Повседневной, привычной, устоявшейся... Суетились медсестры и нянечки, слышались истошные стоны из пред-родовых палат, спешили озабоченные врачи... Все как все-

гда.

Роддом – вечное испытание, посланное и женщинам, кричащим от жестокой боли, и врачам, здесь работающим, и отцам, сходящим с ума от долгого и томительного ожидания.

Родильный дом – это священное место, где переплетаются и невыносимая боль, и сковывающий страх, и бесконечная радость, и уносящий в небеса восторг, сотканный из слез, умиления и облегчения. Это новая жизнь, едва ступившая на Землю, хрупкость и зыбкость, надежда и уверенность. Это целый комок бурлящих чувств, сплетение безумной любви и сильнейшей благодарности.

Родильный дом – это сгусток эмоций, выплескивающийся с мольбами и криками, шепотом и рыданиями.

Сергей Леонидович, отдавший этому заведению почти тридцать лет своей жизни, любил и это довольно старое здание, и свой коллектив, ставший его второй семьей. Он знал по именам всех санитарок и нянечек, медсестер и врачей, интересовался успехами их детей, помогал решать домашние проблемы, доставал необходимые лекарства, порой успокаивал и часто поругивал.

Он просто жил этой жизнью, не представляя себе иной, не мечтая об отдыхе и не пытаясь как-то отвлечься от дел насущных.

Сергей Леонидович сочувствовал всем поступающим роженицам, заботливо поддерживал их и строго наставлял. Пациентов своих он оберегал от ненужных потрясений, старал-

ся облегчить их природную боль и приглушить естественный страх.

Каждый новый рабочий день становился для Сергея Леонидовича подарком, испытанием, сюрпризом и благословением.

Итак, рабочий день закрутился по спирали, затягивая в свой бурлящий водоворот и докторов, и пациенток, и всех, кто каким-то образом оказывался в городском родильном доме.

Заведующий, погрузившись в обыденные, привычные заботы даже и не заметил, как за окнами снова стало темнеть. День уходил.

Зимние вечера скоротечны, загадочны и неожиданны.

Вдруг наползает густая синяя мгла, сразу темнеет, и день, еще не доживший до своего временного конца, все-таки уступает очередь раннему вечеру, властно поглощающему дневной свет.

Все в этом мире повторяется.

Декабрь, завершающий годовой цикл, напористо и стремительно приближал любимый праздник.

Доктор, с головой ушедший в каждодневные хлопоты, о грядущей новогодней суете еще и не думал. Все было некогда. Круговорот дел в его роддоме никогда не кончался, не останавливался, не ослабевал, хотя это Сергея Леонидовича совсем не удручало.

Человек ко всему привыкает. Ко всему, как ни странно...

И к заботам, и к работе, и к достатку, и к бедности...

К любви и ненависти. К горю и бедам.

Ко всему в этой жизни можно привыкнуть, кроме одного: к смерти никогда нельзя привыкнуть. Никогда.

В их роддоме такая беда случалась очень редко. Но здесь о ней помнили все и всегда. Помнили, хоть и не говорили. Не принято об этом судачить. Врачи ведь со временем тоже суеверными становятся.

Часов в пять Сергей Леонидович наконец-то опять вернулся в свой кабинет. Довольный прошедшим днем он взглянул за окно:

– Надо же, уже темно. Куда только время летит? Ну, да ладно. Все-таки нынешний день не бездарно прошел.

И правда, было чему радоваться.

Документы на поставку нового оборудования согласовали. Ремонт на третьем этаже закончили. Приемное отделение, отреставрированное и обновленное, сегодня в полдень торжественно открыли.

Хорошо-то как! Целый год не зря трудились.

Дверь кабинета скрипнула, приоткрылась, и уставшая женщина в белом колпачке на седых волосах заглянула в кабинет:

– Ты здесь, Сергей Леонидович? Можно?

– Заходи, конечно, Варвара Петровна. Садись. Чаю хочешь?

Женщина, вздохнув, чуть качнула головой:

– Давай, коли не шутишь, выпьем по чашечке. Что-то я устала сегодня. Ой, устала! Какой-то бесконечный нынче день выдался. Просто безумный...

Сергей Леонидович включил небольшой электрический чайник, стоявший на низкой тумбочке у окна, достал пачку с заваркой и озабоченно взглянул на женщину:

– Чай-то какой заварить? А? Зеленый? Или черный хочешь?

Варвара Петровна устало отмахнулась:

– Ой, да перестань уж... Какая разница? Все равно.

Но потом, подумав, все же добавила:

– Если есть зеленый, давай лучше его...

Заведующий согласно кивнул:

– Ну, давай зеленый.

Заварив в стеклянном чайничке ароматный чай, терпко пахнущий жасмином, доктор присел за стол:

– Пусть немножко настоится, будет чуть крепче, а то к концу дня мозги уже кипят...

– Да, – вздохнула женщина, поправив седые волосы, – слава Богу, день к закату. А то, кажется, еще бы часок – и я бы упала без сил.

Сергей Леонидович насмешливо прищурился и недоверчиво подмигнул коллеге, сидящей напротив:

– Да брось ты... Я ж тебя сто лет знаю – минут двадцать посидишь и опять, как заведенная, побежишь! Или, что? Неужели годы дают себя знать? А, Варь? Не поверю ни за

что! Намедни слышал, с какой активностью ты молодежь гоняла по отделению...

Варвара Петровна, улыбнувшись, развела руками:

– Это ж я по праву своей должности. Мне как твоему заместителю это позволено. Или нет?

Она подняла на мужчину уставшие, чуть покрасневшие от напряжения, глаза. Тот, пожав плечами, тут же согласился:

– Это да... Конечно, позволено. Тебе все позволено – ты же моя правая рука.

Они пили свежий душистый чай и по привычке, сложившейся годами, анализировали уходящий день.

Сергей Леонидович, сделав глоток, вопросительно взглянул на коллегу:

– Как там наша юная роженица? Как все прошло?

Варвара спокойно кивнула:

– Ничего. Трудно рожала. Да и стресс, конечно, схватки-то на улице начались. Прохожие «скорую» вызывали. Но ничего, все обошлось.

Заведующий светло улыбнулся:

– Кого ж ей Бог послал?

– Мальчишку, – довольно ухмыльнулась женщина, – такой карапуз славный. Богатырь – четыре кило.

– Хорошо, – Сергей Леонидович выдохнул с облегчением, но тут же опять нахмурился, – а эта мамаша, которая двойню сегодня родила? Как у нее дела?

– Отдыхает. Гемоглобин низковат, но посмотрим... Тоже

мальчишек родила. Так радовалась, так плакала от счастья...
Прямо в голос Богородице молитву читала.

День завершался. Еще один день из нескончаемой временной круговерти.

Трудный. Счастливый.

Обычный рабочий день городского родильного дома.

Глава 4

Амалия сердито плюхнулась в кресло и капризно прикрыла глаза, старательно подведенные ее искусной рукой.

Сегодня был один из тех дней, когда все вокруг ее раздражало, нервировало и угнетало. Не нравилось ничего: ни погода за окном, ни только что законченная картина, пока еще накрытая холстом, ни новая домработница.

Она вздохнула и, откинув назад длинные, старательно завитые волосы, недовольно произнесла, глядя на растерявшуюся Люсю, виновато стоявшую перед ней:

– Ну, что, Люся? Что Вы стоите, как истукан? Продолжайте. Старайтесь быть незаметной, не маячьте все время перед глазами.

Перепуганная ее резкостью молодая женщина, недавно нанявшаяся к ним в дом помощницей по хозяйству, поспешно кивнула и суматошно кинулась в сторону кухни.

Амалия закинула ногу на ногу и, прищурившись, огляделась.

Хотелось чего-то нового: ярких впечатлений, необычных знакомств, талантливых работ. Хотелось кружиться в вихре событий, в водовороте происшествий, страстей, эмоций... Хотелось создавать сенсации, быть в центре внимания.

Ее яркая, бунтарская и противоречивая натура требовала беспокойной, бурлящей, наполненной происшествиями и

курьезами жизни. Женщина досадливо сморщилась и обреченно вздохнула.

Да... Какие уж тут страсти...

Сергей в своем родильном доме словно прописался – и днюет, и ночует там. Анна с книгами в обнимку спит, вот и сегодня, наверное, опять сидит в библиотеке.

Вот ведь скука! Разве это жизнь?

Амалия резко встала, подошла к бару и налила в высокий бокал темно-красного, терпкого вина, дурманящего и уносящего в далекую страну, насквозь пропитанную манящими ароматами теплого солнца, ласкающего моря и изысканной виноградной лозы.

Вернувшись с бокалом в кресло, Амалия грустно поджала губы. Да, жизнь перестала радовать.

Вот ведь досада! Надо же, как бывает!

Эта жизнь, хитрюга и затейница, перестала манить, увлекать, утешать и веселить. Откинув длинные, черные, как вороново крыло, волосы назад, женщина нахмурилась и, так и не допив искрящееся в бокале вино, погрузилась в глубокие раздумья.

Однако, посидеть спокойно ей не пришлось...

На кухне сначала раздался оглушительный грохот, потом послышался разноголосый звон беспорядочно бьющейся посуды, и завершил всю эту какофонию истеричный вопль Люси. Вскочив с кресла, Амалия сердито двинулась в сторону кухни, уже заранее предчувствуя, что скандала теперь не ми-

новать.

Картина предстала перед ней плачевная, если не сказать – ужасающая. За плитой на полу лежала сорвавшаяся со стены полка, окруженная со всех сторон грудой битой посуды. Завершала это неприглядное зрелище белая, как лист бумаги, Люся, испуганно возвышающаяся над всей этой горой осколков и нервно прижимающая к себе влажное полотенце.

Увидев это безобразие, Амалия просто дар речи потеряла, но уже через мгновение, немного придя в себя, она грозно взглянула на трясущуюся от страха домработницу:

– Это еще что такое? Люся! Что тут у Вас происходит?

Объятая ужасом молодая женщина всполошено огляделась вокруг и лишь судорожно пожала плечами, очевидно, совершенно потеряв способность здраво мыслить и четко отвечать. Но Амалия, фанатично обожающая порядок во всем и абсолютно не терпящая хаоса в своем доме, гневно свела брови к переносице и резко повторила:

– Что Вы трясетесь? А? Люся, я Вас спрашиваю, что здесь случилось? Вы что, онемели?

Люся, надрывно всхлипнув, беспомощно развела руками и чуть слышно пролепетала, глотая от страха слова:

– Ой, Господи... Боже ж мой! Я и сама не понимаю, чего она рухнула. Простите ради Бога... Не знаю я, чего эта полка проклятая вдруг сорвалась со стены и полетела вниз вместе с посудой.

Амалия, не в силах сдерживаться, разъяренно заорала,

глядя на Люсю:

– Вдруг? Как это вдруг? С чего бы это? Просто так рухнула? Сама по себе?

Задышавшись от ярости, хозяйка сделала было шаг вперед, но тут же резко остановилась, наткнувшись на битые куски тарелок и чашек, жалобно захрустевшие под ногами. Теряя самообладание, Амалия перевела взгляд на Люсю и вдруг остановилась, пораженная видом заплаканной женщины.

Ошеломленная домработница, стоящая над горой поколоченной посуды, казалась такой испуганной и потерянной, что Амалии вдруг стало ее жалко. Отступив на шаг в сторону, она сосредоточенно молчала, глядя на перебитую посуду. Понимая, что сервиз все равно не спасти, хозяйка лишь покачала головой и досадливо махнула рукой:

– Ой, все, все... Ну, и черт с ней, с этой полкой!

Потом подняла глаза на свою помощницу:

– Ну? Чего Вы трясетесь? Хватит, хватит... Вы-то, надеюсь, не виноваты?

Люся, не сдержавшись, громко всхлипнула и отчаянно замотала головой:

– Ой! Нет, конечно, нет... Ей-Богу! Я и глазом не успела моргнуть, как все вдруг посыпалось. Честное слово... Не я ж ее прибавала к стене, это до меня...

Люся заплакала, бурно сморкаясь.

Амалия же, глядя на нее, раздраженно дернула плечом:

– Слушайте, Люся, хватит! Если Вы действительно хотите

у меня долго работать, перестаньте, во-первых, меня так бояться. Слышите Вы меня? Люся? Скажите на милость, чего Вы ревете? Ну, заорала я от неожиданности... И что? С кем не бывает? Все, все... Успокойтесь немедленно. Слышите?

Заплаканная Люся, поспешно вытирая слезы, послушно кивнула:

– Да, да... Слышу. Я просто ужасно испугалась. Ужасно! Грохот, звон, треск! Да и посуду жалко, – она опять всхлипнула, оглянувшись вокруг, – такой красивый сервиз был.

Услышав это, Амалия откинула голову назад и громко захохотала:

– Ой, Люся, какая Вы смешная! Да наплевать мне на этот сервиз! Купим еще, подумаешь, потеря! Все, хватит! Забудьте! Перестаньте, пожалуйста, трястись, лучше поскорее уберите весь этот хлам, и еще.... Заварите-ка, Люся, мне чаю, очень хочется чего-нибудь горячего.

Обрадованная домработница, всплеснув руками, заспешила:

– Ой, Амалия Карловна, сейчас все сделаю.... Сейчас, сию минуточку! Ой, спасибочки Вам!

Амалия, уже выходящая из кухни, удивленно обернулась:

– Вот тебе раз! А спасибо-то за что?

Люся простодушно хмыкнула, пожав плечами:

– Не знаю.... Спасибо, что не отругали. Не уволили. Я ж так запереживала, чуть сердце из груди не выскочило!

Амалия, ухмыльнувшись, внимательно оглядела свою по-

мощницу с ног до головы и, покачав головой, неторопливо вышла в гостиную.

На столике возле кресла по-прежнему одиноко стоял высокий бокал, наполненный терпким густым вином. Она взглянула на старинные часы, висевшие на стене. Всякий раз, когда она слышала их чудный бой, она вспоминала своего отца. Вот бы сейчас поговорить с ним, посоветоваться, прижаться к родному плечу...

Нет. Время неумолимо. Давно нет отца, и пожаловаться некому. С мамой, конечно, можно поговорить, но в ее возрасте лишние потрясения ни к чему, поэтому Амалия старалась маму не нагружать своими проблемами.

В комнату осторожно вошла Люся, старательно держа на вытянутых руках поднос с чашкой, заварочным чайником и какими-то вазочками. Помощница шла медленно, будто опасаясь споткнуться и уронить свою ношу. Поставив поднос рядом с Амалией на журнальный столик, Люся выдохнула и простодушно пробормотала:

– Ой, я после сегодняшнего случая даже поднос в руки брать боялась!

Амалия, обернувшись к ней, прищурилась:

– Слушайте, перестаньте же всего бояться! Слышите? А то мы с Вами не поладим! Я человек очень строгий, но не до такой же степени, чтобы люди в обморок падали. Работайте спокойно. Кстати, Аня не приезжала сегодня? Куда она запропастилась?

Домработница оправила фартук и пожала плечами:

– Нет, Анечка, с утра позавтракала и уехала в университет. Амалия кивнула:

– Это я знаю. Думала, может быть, пока меня не было, она заезжала. Ну, да ладно. Понятно.... Сессия у нее.

Люся ушла на кухню наводить порядок, а Амалия, выпив чашку свежесваренного напитка, взяла последний альманах, посвященный итогам только что закончившейся выставки и погрузилась в чтение. Что поделаешь? Настроение настроением, а дела не ждут.

Однако, поработать не удалось.

Хлопнула входная дверь, в прихожей громко затопали, и в гостиную буквально влетела раскрасневшаяся от мороза дочь.

Стройная, высокая, длинноволосая, она светилась молодостью и здоровьем. Ее медно-рыжие волосы, разметавшиеся по плечам, красиво оттеняли гладкую, персиковую кожу лица и шеи, кажущуюся перламутровой. Все в этой юной красавице казалось необыкновенным: и открытая улыбка, и стремительная походка, и длинная лебединая шея, и разрез зелено-серых глаз, и чудная тонкая талия.

Амалия, обернувшись, невольно залюбовалась появившейся дочерью и, пафосно раскинув руки, воскликнула:

– Анька, ну ты и красotka!

Анюта довольно засмеялась, совершенно не удивившись:

– Только сегодня?

Мать снисходительно хмыкнула и, изображая строгость, погрозила пальцем:

– Не придирайся к словам... Конечно, всегда, но сегодня – особенно!

Девушка, откинув волосы, подошла к матери и, легко наклонившись, обняла ее за шею:

– Мамулечка, спасибо! Я сегодня рано, правда?

Амалия, кивнув, нахмурилась:

– Называется рано? Надеюсь, у тебя все в порядке? Что там у нас с сессией?

Девушка довольно улыбнулась:

– Нашла, о чем печалиться! Зачеты сдала досрочно, теперь три экзамена впереди, но хочу один из них тоже сдать досрочно, до Нового года.

Мать одобрительно кивнула:

– Ах ты, моя умница! Есть-то хочешь, отличница?

Дочь, на мгновение задумавшись, отмахнулась:

– Нет, не хочу, а вот чаю выпью.

Амалия указала в сторону кухни:

– Пойди, там Люся. Она только что успешно расколотила гору нашей посуды, но чай заварила вкусный. Скажи, она тебе нальет.

Анна послушно двинулась в сторону кухни, но на полпути остановилась, будто вспомнив что-то важное:

– Да, мам... Ко мне сегодня девушка в гости зайдет, ты не против?

– Боже! – всплеснула руками Амалия, сердито взмахнув ресницами, – когда это я была против твоих подруг?

Анна задумчиво наморщила нос:

– Да, конечно... Я знаю. Но тут другая история. Во-первых, она у нас еще не была. Во-вторых, девочка из детского дома, хотя теперь, правда, учится в университете на филфаке, и тоже, кстати, на третьем курсе, вместе с моей Наташкой. Живет в общежитии. Понимаешь?

Сказала и тут же исправилась, предчувствуя материнский протест:

– В общежитии.

Амалия, приняв во внимание ее деликатность, промолчала и глубоко вздохнула:

– Это печальная история. Бедная девочка. А ты-то ее откуда знаешь?

Анна пожала плечами:

– Ну, мам... Ты, что? Ты меня слушаешь или нет? Я ж тебе говорю, что с Наташкой учится на филфаке, на третьем курсе. Натка с Ксенькой меня и познакомила.

– А... Понятно, – Амалия, поправив волосы, покачала головой, – значит, твою новую подругу зовут Ксенией. Ну, что ж... Пусть приходит, я не против, если вы дружите. А Наташа тоже придет?

– Нет, – дочь хитро ухмыльнулась, – она со своим ухажером в кино закатилась.

– Закатилась? – мать непонимающе округлила глаза, – это

опять что-то новое.

– Ну, мам... Так все теперь говорят. Это только вы с папой общаетесь как академики.

– Ты думаешь? – Амалия вопросительно подняла брови, чуть сморщив хорошенький лоб, – а мне кажется, что мы просто разговариваем на нормальном, человеческом языке. На русском. А эти твои словечки его очень портят.

Она помолчала и развела руками:

– Мне так кажется, во всяком случае.

Дочь, кивнув, улыбнулась:

– Ну, ладно, ладно... Моя подруга Наталья пошла в кино со своим молодым человеком, – Аня поспешно исправились, – что? Так лучше? Понятнее?

Амалия одобрительно хмыкнула:

– Угу... Уже лучше. А с кем, если не секрет?

– О! – Анна довольно захохотала, потряхнув медными волосами, – Наташка у нас пользуется успехом! Этот, по-моему, пятикурсник. Наш, кстати, медик. Говорят, кардиолог.

Анна хитро прищурилась и добавила:

– Наташка, хоть и филолог, а любовь крутит с нашими... С медиками. У них же на филфаке дефицит мужского пола.

Амалия скептически поджала губы:

– Просто понимает, наверное, что за медициной будущее.

Она помолчала и задумчиво произнесла:

– Да и ладно. Какие ваши годы... Гуляйте. Веселитесь. А потом легко кивнула:

– Ну, иди, иди, душа моя, чай пей, а то щеки с мороза так и пламенеют. Не заболей, смотри!

Дочь, бросив вязаный шарф на диван, пошла на кухню, где Люся по-прежнему убирала осколки, громко двигая стулья и громыхая ведром с водой. Амалия, глядя ей вслед, глубоко задумалась.

Вот и выросла дочь....

Совсем взрослая стала. Красавица. Но даже не это казалось женщине главным в ее девочке. Было в этой девушке что-то бесконечно трогательное и милое, наивное и чистое.

Мать вздохнула... Надо же!

Как быстро растут дети. Как поспешно взрослеют!

Словно специально торопятся оставить самые лучшие, безмятежные и счастливые годы детства позади!

Амалия, погрузнев, окунулась в былое.

А как плохо все у них начиналось...

Ужасно! Как безнадежно и жестко звучали слова докторов. Хлестко, резко и, как всегда, окончательно. Как бесконечно было ее женское горе!

Нахмурившись, женщина выпрямилась в кресле и недовольно тряхнула головой, будто запрещая себе думать о том, о чем теперь помнить никому не полагалось.

Но мыслям ведь не прикажешь...

Так всегда и бывает: хитрющая память, проснувшись, всю старается подsunуть тебе именно то, что ты стремишься забыть раз и навсегда. И тогда, окунаясь в бездонный ее

омут, ты, боясь утонуть в ужасных воспоминаниях, отчаянно отбиваешься от тянущих на дно мыслей и стремительно вынырываешь в день сегодняшний, где все светло и прозрачно.

Где уютно и беззаботно.

И продолжаешь жить... И продолжаешь упорно врать себе, что-ничего не помнишь, что живешь настоящим, и, засыпая по ночам, лишь усердно молишься, страстно прося небесные силы об одном... Умоляешь, чтобы призраки прошлого исчезли, чтобы они никогда не нарушали нынешний светлый покой и обретенную семьей долгожданную гармонию.

Амалия тяжело вздохнула.

Ну, что ж... Не важно, что осталось в прошлом.

Муж есть, дочь есть, работа есть. Все сложилось, а уж какой ценой – никому знать и не нужно.

Ни к чему это... Не их это дело.

Как там говорится? Меньше знают – крепче спят.

Глава 5

Амалия родилась в семье известного ювелира, художника и мецената.

Детство девочки прошло в окружении людей искусства, настоящей богемы, знатоков и ценителей всего прекрасного.

Отец ее, Карл Леманн, был выходцем из обрусевшей немецкой семьи, осевшей в России задолго до революции. Предки Карла служили поначалу в царской армии, потом преподавали в университете, а затем пристрастились к искусству. Дед Амалии, совершенно необыкновенный человек, прекрасно рисовал, собирал старинные гравюры, даже водил экскурсии по Пушкинскому музею. С особенной любовью дед занимался ювелирным делом и сына своего Карла заразил той же страстью: Карл обожал камни, изучал геммологию, мог оценить качество любого драгоценного изделия, ездил перенимать опыт к лучшим мастерам за границу и, наконец, основал известнейшую в городе художественную галерею, которой теперь уже много лет занималась его дочь, красавица Амалия Карловна.

Итак, Амалия была единственной дочерью известного в городе ювелира и художника Карла Леманна и камерной грузинской певицы Софико Беридзе. Естественно, что, соединив в себе две такие творческие натуры, девочка не могла не оказаться яркой, неординарной личностью. Потрясающая

красавица с длинными черными волосами, черными огромными глазами, высокая, стройная, Амалия в свое время свела с ума не одного молодого человека. Но, слава Богу, она, обладая такой ослепительной внешностью, вовсе не спешила выскочить замуж, а наоборот, на удивление папиным и маминим друзьям, с завидным упорством занималась поначалу спортом и живописью, потом пением и музыкой. В результате девушка, хоть и не стала известным художником или певицей, но, обладая огромными энциклопедическими знаниями по искусству, стала одним из самых авторитетных искусствоведов страны и хозяйкой лучшей в городе художественной галереи.

В годы учебы в Строгановке Амалия, нешуточно влюбленная в искусство, дневала и ночевала в музеях, выставочных залах, художественных галереях. Отец, не чаявший души в единственной дочери, никаких средств не жалел, каждый год отправлял ее на стажировки за границу, и там она, конечно, исходила вдоль и поперек и Дрезденскую галерею, и галерею Уффици во Флоренции, и музей Прадо в Мадриде. Парижский Лувр, Миланская галерея Брера и Лондонский национальный музей были местом ее постоянного обитания. Амалия могла сутками не есть, бродить по огромным залам, затаив дыхание, любоваться шедеврами, пережившими века.

Всерьез и навсегда увлекшись живописью, Амалия, между тем, не была человеком, оторванным от жизни или ее прелестей. Она любила все красивое, изысканное, необычное

и редкое. Бывая за рубежом, девушка старательно отбирала там и привозила всякие вещицы, ставшие изюминкой ее коллекции. Находила у букинистов редчайшие книги, с удовольствием посещала антикварные салоны, скупала старинные платья и предметы гардероба.

Со временем Амалия, несмотря на молодость, стала авторитетным искусствоведам, с ее мнением считались, приглашали на выставки и презентации, предлагали читать лекции и вести целые курсы. Погрузившись в атмосферу естественной роскоши, окружавшей ее дома, девушка выросла, конечно, капризной, своенравной, довольно упрямой, но, надо отдать должное, очень справедливой. Молодые люди, ее сверстники, жаждущие знакомства с яркой, обеспеченной, талантливой девушкой, Амалию совсем не интересовали. Ей хотелось настоящей любви, серьезной, стабильной и обязательно страстной.

На одном из вечеров, проводимых ее отцом в здании всеми любимого театра, она случайно познакомилась с сыном дирижера оперного театра, но интерес ее был недолог и поверхностен. Еще бы, ведь в восемнадцать лет мы еще не вполне осознаем, чего хочется и к чему склоняется сердце. Головокружительный роман, быстро вспыхнувший, так же скоро и закончился. Правда, молодой человек, возлагавший серьезные надежды на этот брак, все ходил и ходил к ним в дом, стараясь произвести нужное впечатление, но ветреная Амалия предоставила маме самой разбираться с ним и его

чувствами. На все вопросы о страдающем юноше девушка отвечала односложно: «Перемелется...» – и лишь похохатывала, пожимая плечами.

Бросив чрезвычайно надоедливую ухажера, Амалия с радостью окунулась в любимые занятия. Полностью отдалась учебе, сутками не выходила из галереи, выбирала материалы для печати, изучала мемуары, сидела в архивах и запасниках.

Она, полная энергии, сил, нерастраченных чувств и надежд, отдавалась жизни, не опасаясь обмана и разочарований. Девушка танцевала на вечеринках, поражая молодых людей буйными эмоциями и редкостной грацией, обожала театр, пела в караоке. И ни один мужчина из ее огромного и, конечно, талантливой окружения так и не тронул спокойное девичье сердце. Удивительно, но ее холодная красота, сводящая с ума противоположный пол, держала всех на расстоянии, не допускала близости и ненужных откровений.

Амалия жила, как дивный цветок: любоваться собой позволяла, но не больше.

Так, в безмятежности и легких девичьих радостях, прошло еще почти два года.

В семье Карла Леманна по-прежнему царили любовь, спокойствие и мир.

Амалии исполнилось уже двадцать, и в честь этого небольшого юбилея наследницы отец решил устроить пышное празднество. Готовился щедрый родитель старательно: чего только он не придумал для любимой дочки: и артистов

цирка позвал, и звезд театра пригласил, и лучших музыкантов выписал... И салют заказал, и торт невиданных размеров, и лимузин – все как положено.

Кстати, Амалия, выросшая в роскоши и достатке, не очень и нуждалась в таких подтверждениях любви, но отказать отцу, носившемуся со своей идеей именно такого подарка целых два месяца, отказать не осмелилась.

Грандиозный праздник, продуманный до мелочей и просчитанный до секунд, удался на славу: Амалию завалили цветами, подарками, комплиментами. Наконец, безумно уставшая от навязчивого внимания молодых людей, она, хитро подмигнув своей близкой подруге Дарье, выскользнула в холл ресторана. Даша, выйдя за Амалией, тоже вздохнула с облегчением:

– Ой, так гремит музыка, просто оглохнуть можно!

– Угу, – кивнула именинница, – я тоже жутко устала. И зачем папа это придумал? Тешит свое самолюбие...

– Ну, перестань, – Даша покачала головой, – ты с ума спятила? Он же для тебя старается!

– Да понятно – для меня! Но я-то не просила, – дочь удивленно округлила глаза, – зачем мне, скажи на милость, такой балаган?

Даша даже ногой топнула:

– Прекрати, бессовестная, ты ж у них одна. Вот и выкладываются по полной программе.

Помолчав Дарья вдруг хихикнула:

– А ты видела, как этот странный юноша в синем костюме пытался тебя охмурить? Ох, и напрягался... И так, и эдак!

Амалия захохотала во весь голос:

– Да, видела! Вот придурок! Надо же...

Даша приложила палец к губам:

– Тсс... Тихо! Услышат!

Амалия капризно пожала плечами:

– Пусть слышат...

Но Даша недовольно сдвинула брови:

– Нет. Ты не права. Не нужно обижать людей. Ведь он не виноват, что влюблен в тебя.

– Так уж и влюблен? – недоверчиво сморщилась подруга.

Рассудительная Даша исправилась:

– Ну, не влюблен, быть может... Но ты мужчинам нравишься, им хочется говорить с тобой, хочется общаться. Это тоже дорогого стоит!

Амалия, задумавшись на мгновение, серьезно кивнула:

– Ладно, ладно... Ты, Дашка, как всегда права. Я – глупая, напыщенная дурочка.

Но потом тут же озорно подмигнула подруге:

– Но это так здорово – ни о чем не думать, не переживать, не сожалеть! Это свобода, Дашка! Свобода!

Она взмахнула руками, словно хотела взлететь:

– А свободу, подруга, я ценю больше всего на свете...

Они прошли по холлу, подошли к зеркалу, поправили волосы и, вдоволь налюбовавшись собой, присели на крошеч-

ный диванчик.

В огромном холле, затейливо украшенном зеркалами и витражами, было довольно много людей. Но внимание Даши привлекли двое мужчин, стоящих неподалеку от них у противоположной стены.

Девушка, толкнув подругу локтем, указала на них:

– Это кто?

Амалия, приглядевшись, молча пожала плечами, а потом равнодушно добавила:

– Не знаю.

Однако неугомонная Дарья вопросительно сдвинула брови:

– Подожди... Разве это не ваши гости?

– Да не знаю я, – уставшая от шума, поздравлений и суety Амалия досадливо отмахнулась, но, перехватив взгляд подруги, все-таки обернулась и еще раз внимательно оглядела стоящих у стены, – папа же пригласил такое количество «нужных людей», что их всех и запомнить-то невозможно.

– Понятно, – кивнула Даша, – что правда, то правда. Всех не упомнишь.

Однако через какое-то мгновение Амалия, сама не понимая почему, снова перевела взгляд на незнакомцев. Раз посмотрела, второй... А потом и вовсе, обернувшись, принялась с нескрываемым любопытством разглядывать мужчин, спокойно беседующих у зеркал напротив. Было в них что-то такое, что сразу вызывало симпатию, отчего хотелось смот-

реть и улыбаться, как старым знакомым.

Такое бывает...

Вдруг в толпе чужих людей тыловишь чей-то взгляд и чувствуешь симпатию. Проходишь, не задерживаясь, мимо, но долго помнишь это неожиданное теплое ощущение, словно встретил родственную душу.

Так случилось и сейчас...

Амалия, не сводя глаз с незнакомцев, прошептала:

– Голову даю на отсечение – эти люди не нашего мира.

Дарья хмыкнула:

– Какого это, не нашего? Инопланетяне, что ли?

– Ну, не из мира искусства.

– Почему? – Даша насмешливо скривилась, – с чего это ты взяла?

Амалия пожала плечами и уверенно повторила:

– Готова спорить на что угодно. Они успешные, образованные, интеллигентные, но не артисты, не музыканты и не художники. Понимаешь, есть в них что-то основательное, эдакое фундаментальное...

Она задумалась, старательно подбирая слова:

– Ну, надежное, понимаешь?

Подруга недовольно сморщилась:

– Ты спятила? А? Ты хоть слышишь, что говоришь? Амалия! Ты ведь сейчас огульно утверждаешь, что все люди искусства – граждане легкомысленные и совершенно беспутные.

Она обиженно толкнула девушку в бок:

– Мой папа тоже, кстати, художник! Забыла?

Амалия засмеялась и миролюбиво подняла руки:

– Ой, прости, прости... Ничего плохого я сказать ни о ком не хотела. Просто вот почему-то так подумалось...

А потом тихо добавила, подмигнув:

– А мне именно вот такие нравятся. Ой, как нравятся! Смотри, какой классный вон тот... А?

Девушка посмотрела на подругу:

– Ну, поверни голову-то... Тот, с красным галстуком, видишь? Хорош, ничего не скажешь! Да? Даже не знаю, чем, но он меня очень трогает. Видишь, Дашка? Красота у него настоящая, мужская... Правда? И взгляд уверенный. Ох, какой! Как думаешь, кем он работает?

Дарья развела руками:

– Боже! Да откуда же знаю?

Амалия нахмурилась:

– А если подумать? Ну?

Подруга устало отмахнулась:

– Правда, не знаю...

Но подумав мгновение, предположила:

– Может, учитель? Или тренер?

Амалия тут же отрицательно покачала головой:

– Нет, что ты! Нет, нет и нет! Мне кажется, он врач или...

Она, сосредоточившись, замерла и тут же окончательно вынесла вердикт:

– Нет, без всякого «или» – он врач и точка. Доктор – это точно! Я уверена. У него взгляд врача: внимательный, серьезный и вдумчивый... Проникновенный! Видишь, Дашка?

Дарья недоверчиво скосила на Амалию глаза:

– Ну и ну! Ты спятила? Когда это ты научилась на расстоянии определять принадлежность к профессии? Да еще и проникновенность замечать? Смешная...

Они обе задумчиво помолчали. Однако через минуту Даша опять обернулась к своей бесшабашной подруге:

– Странная ты какая-то сегодня. То гости не те, то праздник не такой, то мужчина особенный... Дался тебе этот незнакомец? Ну, врач так врач, нам-то что? И не молодой, кстати... Пойдем-ка в зал, а то тебя родители искать начнут. Да и гости, наверное, уже хотят опять видеть именинницу. Пойдем? Ну, вставай же!

Амалия, вздохнув, послушно встала, поправила подол длинного платья, и уже сделала было шаг вслед за разумной Дашей.

Но ведь от судьбы не убежишь...

Пути Господни неисповедимы.

Девушка на полпути вдруг резко развернулась и пошла прямо к мужчине, стоявшему возле противоположной стены. Обомлевшая Дарья даже и сказать-то ничего не успела, как ее своенравная подруга, подойдя к незнакомцам, смело протянула руку и, глядя прямо в глаза улыбающемуся мужчине, легко и просто сказала:

– Добрый вечер! Я – Амалия. Пойдемте танцевать?

Наверное, в это мгновение даже звезды улыбнулись и благословили этих двоих, случайно встретившихся сегодня.

Хотя ничего случайного, конечно, в этой жизни не бывает.

Они шли врозь, разными путями, но, наверное, шли на встречу друг другу.

Амалия и Сергей. Сергей Леонидович. Ее будущий муж.

Кстати, врач, как и предсказала девушка в этот памятный вечер.

Глава 6

Нина услышала нетерпеливое пение телефона не сразу.

Растерянно оглянувшись в поисках аппарата, она с трудом обнаружила его под стопкой книг на журнальном столике:

– И как ты здесь оказался? – сердито пробормотала женщина и лихорадочно поднесла все еще требовательно поющий телефон к уху, даже не взглянув на светящийся экран:

– Да?

После секундной паузы она услышала странный мужской голос. Поначалу он показался ей совершенно незнакомым:

– Нина?

Осторожно присев на краешек дивана, женщина удивленно приподняла брови и негромко ответила:

– Да. Я слушаю.

В ответ кто-то хмыкнул, рассмеялся и весело выдохнул прямо ей в ухо:

– Нет, это я тебя слушаю, радость моя!

От неожиданности Нина, сразу напрягшись, вскочила с дивана:

– Что? Что такое? Вы ошиблись. Не туда попали.

Незнакомец на другом конце провода не сдавался. Все еще смеясь, он решительно потребовал:

– Эй, эй, не вздумай повесить трубку! Я в таких делах не ошибаюсь.

Тут Нина, в принципе ненавидящая всяческие розыгрыши и сюрпризы, гневно завопила, не сдержавшись:

– Положи трубку, идиот!

И сама дала отбой.

Однако, буквально через минуту телефон снова требовательно запел.

Нина, озадаченно нахмурившись, решила трубку не поднимать. Мало ли дураков на свете? Но настырный телефон все звонил и звонил.

Тогда, набрав побольше воздуха в легкие, женщина подняла трубку и сразу бросилась в наступление:

– Мужчина, Вы что – пьяны? Идите проспиться... Что за манера хамить незнакомым людям?

В ответ раздался лишь громкий хохот, который совсем вывел Нину из равновесия и даже несколько напугал.

Обескураженно она сбавила тон:

– Вы кто? Что Вам нужно? Куда Вы звоните?

Незнакомец выдержал долгую театральную паузу, но ответил вопросом на вопрос, вкрадчиво поинтересовавшись:

– Кнопка, ты что, и правда меня не узнаешь?

По сразу изменившейся интонации и этому обращению Нина мгновенно сообразила, что это, как ни странно, скорее всего, человек знакомый. И, наверняка, очень близкий, отлично знавший, что в детстве родители и брат называли ее только Кнопкой. Но кто? Затаив дыхание, женщина лихорадочно соображала. Нет, нет и нет... Голос не вспоминался,

не узнавался. Она категорически не могла припомнить звонившего.

Чтобы не выглядеть совсем уж глупо, Нина, поразмыслив еще мгновение, осторожно предложила:

– Послушайте. Бессмысленно разгадывать шарады. Договоримся так: если Вы сейчас не представитесь, я опять кладу трубку. Все. Терпение мое на исходе.

Но тут и незнакомец, очевидно, сообразив по ее холодно-му тону, что она не шутит и его не узнает, вздохнув, безоговорочно капитулировал:

– Ладно, ладно, согласен. Не кипятись. А все-таки жаль... Что ж ты, Нинка, любимого друга не узнаешь? А?

Нина опять напряглась, но на этот раз благоразумно промолчала. Мужчина лукаво продолжил:

– Неужели пребывание за границей так изменило мой голос? Ниночка?

И тут ее словно озарило! Мгновенная догадка тут же осенила ее...

Сразу все осознав и сопоставив, она, еще до конца не веря этой подсказке, громко взвизгнула:

– Мишка? Неужели? Господи... Лапин! Это ты, бродяга? Он довольно выдохнул:

– Фу... Слава Богу! Наконец-то! Ну, ты Нинка, и фурия оказывается!

Женщина, все еще не веря самой себе, изумленно прошептала:

– Мишка! Лапин... Сколько лет, сколько зим! Откуда ты свалился?

Михаил, очень довольный состоявшимся, наконец, узнаванием, устало выдохнул:

– Откуда, откуда... Оттуда. Из Америки, матушка. Закончился мой контракт с университетом. Все. Курс закрыт. Лекции дочитаны. И вот я здесь... На родной земле.

Нина недоверчиво хмыкнула:

– Так ты ж писал, что летом курс заканчивается.

Михаил довольно хохотнул:

– Ну, пришлось кое-что пересмотреть. Планы могут, знаешь ли, меняться. Да и писал я тебе об этом еще летом, а теперь, дорогая, уже зима на дворе. И вот, как писал классик, я у ваших ног...

Они еще долго-долго говорили по телефону.

Нина уютно устроилась на своем диване, забравшись с ногами и накрывшись теплым пледом. Михаил весело и азартно рассказывал о дороге домой, о своих планах, об оставленных в Америке новых друзьях и учениках, о блестящей идее, которая, по его словам, прольет свет на одну из великих химических проблем....

Сколько прошло времени, Ниночка не контролировала, но когда ее взгляд вдруг зацепился за часы, старательно тикающие на стене, она спохватилась:

– Ой, Лапин, остановись! Как ты думаешь, сколько времени мы уже болтаем?

Михаил, увлеченный разговором, не сразу отреагировал:

– Что? О чем ты?

– Господин ученый, очнись... Мы уже целый час разговариваем! Катастрофа – сейчас у меня все деньги на телефоне закончатся. Давай, давай закругляться... Увидимся еще! Наговоримся.

Но Лапин, очевидно, очень соскучившийся в своей Америке по друзьям и родственникам, не сдавался:

– Подожди ты, торопыга! Нинка! Я ведь что звоню?!

Женщина усмехнулась:

– Ну?

– Я ж в честь своего возвращения вечер закатываю. В ресторане. Так соскучился! Хочу всех вас сразу собрать, на всех посмотреть, в глаза, как говорится, заглянуть... В общем так, запоминай! В субботу. В семь вечера. Название ресторана и адрес пришлю дня через два на электронную почту. Хорошо?

Нина, немного подумав, согласно кивнула, забыв, что Михаил ее не видит:

– Хорошо. Приду, конечно.

Лапин стал прощаться, но в последнюю секунду спохватился:

– Подожди, подожди! Вот еще что... Нинок, если хочешь, можешь с собой кого-нибудь прихватить. Приглашение на двоих, слышишь? Кавалера своего приводи или даму, на худой конец. На свой вкус. Ну, чтоб скучно не было. Конечно,

если будет желание. Договорились?

Нина еще раз кивнула:

– Договорились. Прихвачу, так и быть. До встречи. Целую.

Положив трубку, она еще долго сидела, с удовольствием перебирая в памяти их разговор с Мишкой.

Отчего-то вдруг вспомнилось далекое-далекое детство.

Мама с отцом. Школа на соседней улице. Старший брат Николаша, который всегда защищал ее, капризную Ниночку... Семейные посиделки. Песни бабушки. Поездки в деревню к родственникам. И Мишка Лапин... Лучший друг ее старшего брата, вечный советчик и помощник.

Боже мой! Куда все это исчезло? Где скрылось?

За каким горизонтом растаяло оно, ее беззаботное, босоное, веселое детство?

И внезапно такая тоска накрыла ее, что Нина даже головой затрясла, чтобы отогнать эти печальные мысли.

Ах, жизнь...

Затейница. Так плетет узоры нашей судьбы, так завязывает узлы наших дорог, что, оглянувшись, лишь поражаешься ее упорству и дотошности. Испытывает она нас и любовью, и терпением, и памятью...

Все ушло. Все, все, все... И детство, и юность, и молодость. Растворилось, растаяло где-то в немыслимой дали.

Осталось лишь в памяти. И в сердце, которое все помнит, любит и иногда сильно тоскует по былому.

Нина вздохнула.

На душе стало тяжело, горько и пасмурно. Сожаление об ушедшем детстве наполнило душу светлой грустью, накрыло, словно кружевной косынкой или утренним сырым туманом. Отчего-то захотелось плакать...

В доме повисла тишина. Ночь осторожно ступала по городу.

Взглянув на часы, быстро умывшись и переодевшись, Нина с удовольствием нырнула в теплую постель. Затихла, натянув до подбородка одеяло, и попыталась уснуть.

Однако сон-злодей, тихо насмеялся над ее попытками и не торопился принять женщину в свои объятия.

Глядя в потолок, Нина вдруг улыбнулась...

Она родилась в совершенно обычной семье.

Мама с отцом работали на заводе, старший брат учился в школе через дорогу от дома. Подросшую Ниночку отдали туда же: во-первых, близко от дома, во-вторых, всегда под присмотром брата.

Семья жила очень дружно.

Любили праздники, пели вместе песни, по воскресеньям лепили вареники и пельмени, ездили на рыбалку в деревню к бабушке, где всегда пили чай под старой раскидистой елью. Достатка особого в семье не было, но дружбы, любви и уважения хватало на всех.

Старшим братом Николаем родители гордились. Еще бы... Он славился в школе своей математической хваткой и

какими-то необыкновенными природными способностями. Вместе с одноклассником и другом Михаилом Лапиным они по очереди побеждали во всех олимпиадах, выигрывали всевозможные конкурсы и, в конце концов, поступили в один год в институт. Только Коля пошел на математический факультет, а Мишка – на химический.

Друзья, несмотря на увлеченность разными науками, были неразлучны.

И в библиотеку ходили вместе, и свободное время делили пополам. Книги читали одинаковые, на гитаре учились играть вместе и даже, чего уж совсем никто не ожидал, влюбились в одну девчонку. Над этой их любовью потешались друзья, ласково подтрунивали родственники и откровенно издевалась Ниночка, младшая сестра Николая. Никак не могли они взять в толк, как два умнейших парня, две светлейшие головы, будущие ученые могут так опрометчиво поступить. Однако, сердцу ведь не прикажешь, и Верочка, студентка филологического факультета, казалась им, верным друзьям, самой, самой, самой...

Окружающие лишь головой качали и пожимали плечами, не находя нужных слов. А Николай с Михаилом внимания на их комментарии не обращали. Ходили втроем в кино, болтали в кафе, плавали в бассейне.

Девочка, на их счастье, оказалась умной, рассудительной и очень деликатной. Не зря говорят, что на филологическом все девчонки особенные: она, выбрав в результате Николая,

смогла так чутко и тонко повести себя, что закадычные друзья не только не поссорились, но Михаил даже согласился быть свидетелем на их веселой свадьбе.

Вот так... Вот такие узелочки жизнь наша вяжет.

Ах, жизнь...

Иной раз так закрутит, что выть хочется от неизвестности, страха или беспомощности. И счастлив тот, кто сумеет правильно и вовремя эти жизненные загадки разгадать, эти узелочки развязать. Кто найдет выход из странной ситуации, кто пройдет, не споткнувшись, по запутанным и извилистым жизненным тропочкам. Тому, как говорится, воздастся.

Ну, а кому не повезет – тот и мается всю жизнь, пытаясь найти ответы на извечные вопросы: кто виноват и что делать.

Глава 7

Михаил Лапин рос на удивление подвижным и любознательным ребенком.

Светловолосый, голубоглазый, светлокожий, он даже в детстве казался настоящим богатырем из русской народной сказки. Его природная доброта и справедливость уже тогда делали его любимцем всех дворовых девчонок и мальчишек: слабых он защищал, хулиганам спуска не давал, старушкам сумки носил. В общем, во всем правильный ребенок казался настоящим чудом и редкой находкой.

К первому классу мальчишка готовился основательно: портфель собрал за месяц до назначенного срока, несколько раз примерял новенький костюм и белоснежную рубашку, вечером перед линейкой бабушке строго-настрого наказывал не проспать и разбудить его чуть свет, чтобы он мог заранее выйти из дома. Родители лишь улыбались, глядя на его беспокойные приготовления.

Учился Мишка с огромным удовольствием, но особенной его любовью неожиданно для всех оказалась химия. Почему выбор пал именно на эту заковыристую науку – трудно сказать, но химией подросток просто бредил. Сколько у него было книг и журналов по этому хитрому учебному предмету – не пересказать. Он их читал, что-то выписывал, ходил на какие-то лекции, посещал кружки... Учительница по химии

его, конечно, обожала. Позволяла часами сидеть в своей лаборантской, готовить с ней практические работы, составлять картотеку и вести учет материалов.

Николай, одноклассник и закадычный друг Михаила, влюбленный в математику, пытался товарища образумить:

– Эх, Мишка, ничего-то ты не понимаешь! Вот математика – это да! Царица всех наук! А что химия твоя? Ну, кому она нужна? Что ты в ней нашел?

– Да ты что, – сразу закипал от негодования Мишка, – что ты несешь? Да химия в наше время – первая и главная наука! Ты оглянись вокруг – все, что ты видишь – достижения химии...

– Ой, перестань, – не сдавался Николай, известный школьный математик, победитель всех олимпиад, – много ли твоя химия может без математики? Даже коэффициенты не расставит... Везде задачки, везде цифры, везде формулы! Только время тратишь на пустяки!

Мишка даже бледнел от ярости и волнения:

– Да как ты не понимаешь...

И начинались такие споры, такие словесные перепалки, такие баталии, остановить которые никому не удавалось. Так друзья и спорили до самого конца школы. А когда отзвучали последние звуки прощального школьного вальса, они понесли документы в один институт, но на разные факультеты.

Михаил отдавался учебе на химическом факультете с радостью и упоением. Сразу стал старостой научного кружка,

выступал на студенческих конференциях, дневал и ночевал в институтских лабораториях. Его диплом оказался настолько значимым и интересным, что он тут же оказался в аспирантуре и уже через год написал кандидатскую.

Однако правильно говорят, что талантливый человек талантлив во всем.

Самозабвенно занимаясь наукой, Михаил не забывал ни о друге своем, ни о родителях. Он обожал театр, с удовольствием ходил на выставки в Третьяковку, заботился о маме. С Николаем его по-прежнему связывала настоящая мужская дружба. Они увлекались гонками, спорили о книгах, ездили на экскурсии. В одну и ту же девчонку даже влюбились. Верочка, студентка филологического факультета, увидев их впервые на выставке в Доме художников, сразу выделила для себя Николая. Почему? Неизвестно.

Ведь это невозможно объяснить, почему в душе вдруг по теплеет. Почему сердце забьется сильнее... И вдруг захочется улыбаться без причины и танцевать под дождем, и не спать до утра. И ты внезапно ощутишь, что жить без этого человека не можешь. И дышать тяжело, и аппетита нет, и тоска гложет... И только потом внезапно озаряет догадка – это любовь! Как вспышка, как гром среди ясного неба, как радуга во все небо. Любовь – и все тут!

Верочка, обаятельная, тонкая, умная и добрая, прекрасно понимала, что любовь любовью, а дружба дружбой. Ей хватило душевной деликатности и воспитания, чтобы, влюбив-

шись в Николая, не обидеть чувства Михаила, не оскорбить его и не поссорить друзей.

Михаил, конечно, ужасно переживал поначалу.

Сообразив, наконец, что Верочка отдала руку и сердце его другу, он, сдав сессию досрочно, мгновенно собрался и уехал из города. Было невыносимо больно видеть счастливые лица Николая и Верочки, сочувствующие глаза родителей и бабушки, ехидную улыбку Кнопки, Колиной сестры. Хотелось совсем исчезнуть, раствориться, забыться... Парень понимал, что надо как-то отвлечься и успокоиться. Он отключил телефон, забросил любимую химию, поселился в горной деревушке, ходил с проводником в горы, умывался ключевой водой, много читал, размышлял и смотрел старые фильмы.

Выздоровление Михаила наступало долго.

Почти семь месяцев, день за днем, час за часом молодой человек нагружал себя и физически, и духовно чем-то новым, знакомился с людьми, живущими в горах, изучал их культуру, природу и кухню. Неожиданные знакомства, приобретенные новые друзья, другой уклад жизни, мудрость аксакалов и большое расстояние сделали свое дело. Постепенно острая боль затихла, волнение, будоражившее сердце и разум, улеглось, он соскучился по родителям, по безумному ритму родного города и, наконец, даже нашел в себе силы, чтобы позвонить Николаю.

Михаил вернулся.

Обновленный, успокоившийся, умиротворенный и пере-

болевший...

Впервые после поездки встретившись с Верой и Николаем. Он, замерев только на мгновение, вдруг широко улыбнулся и обнял их обоих с легким сердцем. И словно гора с плеч свалилась, он вновь почувствовал себя свободным и возрожденным. Не осталось боли, рвущей сердце, исчезла тягучая печаль, грызущая душу, остались только светлая радость за друга и искреннее желание большого счастья для них обоих.

И полетела, покатилась жизнь своим чередом. Мелькали зимы и весны.

Михаил возмужал, чуть пополнел, защитил докторскую диссертацию, возглавил кафедру. Он по-прежнему блистал эрудицией, смешно рассказывал анекдоты, много читал, легко подтрунивал над собой. Его обожали студенты и особенно студентки, коллеги относились к нему с должным почтением, несмотря на его возраст (ведь ему и сорока еще не исполнилось). Единственное, чего еще не хватало в его наполненной заботами и делами жизни – так это любви. Однажды обжегшись, он словно интуитивно оберегал себя от всего, что могло как-то коснуться сердечных дел: с женщинами он вел себя свободно, но не безрассудно, шутил с ними, но не кокетничал, держался раскованно, но не развязно. В его поведении чувствовалось уважение и почитание, но не дерзость и вседозволенность. Он будто сам себе поставил невидимые границы, допустимые и позволенные, и пересту-

пать однажды им самим установленные пределы мужчина не стремился. Конечно, в его холостой жизни время от времени появлялись женщины, но связывать себя узами законного брака молодой ученый не спешил.

Ему было хорошо, уютно и комфортно в этом строго очерченном круге спокойного бытия, и, дорожа им, Михаил тщательно оберегал эту с трудом обретенную легкость от посягательства чересчур напористых и решительных дам, находящихся в активном поиске и бесцеремонно идущих напролом к намеченной цели.

Михаил Лапин жил не торопясь. Со вкусом.

С удовольствием занимался наукой, писал книги и статьи в научные журналы, читал лекции, воспитывал учеников и ездил на зарубежные конгрессы и симпозиумы. Все у него складывалось хорошо.

Он по-прежнему очень дружил с Николаем, гордился своим другом, тоже ставшим к этому времени доктором наук, известным ученым. У Николая уже подрастали два сына, как две капли воды похожие на мать и также увлекающиеся математикой, как отец.

Теперь, позабыв дела давно минувших дней, друзья часто собирались вместе. Ездили на дачу к Николаю, рыбачили у крохотного озерца, спорили до рассвета, сидя у камина, ели Верочкины пироги и посмеивались друг над другом, вспоминая времена обоюдной влюбленности в юную филологиню. Вера, кстати, уже повзрослевшая и ничуть не изменившая-

ся, до сих пор переживала, чувствуя свою вину перед Михаилом. Но он, как-то узнав об этих ее мыслях, смеясь отмахнулся:

– Да ты что, Веруня?! Когда это было? Сто лет прошло... Брось ты это дело неблагодарное, не заморачивайся!

Вера, покраснев, обернулась к нему:

– Миша, а все-таки я чувствую свою вину... Вон у нас уже дети какие, а ты все один... Ты уж прости меня.

Михаил изумленно поднял на нее глаза:

– Вот тебе раз! Верка, да если бы ты меня тогда выбрала, представляешь, как бы мой друг переживал? Нет, я этого допустить не мог!

Он обнял женщину за плечи и захохотал:

– Нет, милочка, все лучшее – любимому другу! Выбрала его – и слава Богу! Зато я за него теперь совершенно спокоен...

Они посмеялись.

Михаил и правда давно уже все позабыл, успокоился и чувствовал абсолютное счастье при виде ухоженного, накормленного и обласканного жизнью друга. А вот в своей жизни ему менять уже ничего не хотелось, ведь человек ко всему привыкает: и к работе, и к семье, и даже к ее отсутствию. А привычка, как известно, – вторая натура.

Став известным ученым, мужчина уже ничего не хотел ломать: ни своих пристрастий, ни своих потребностей, ни размеренной холостяцкой жизни. И лишь только иногда

какая-то грусть, накатывая внезапной волной, будоражила сердце и тяготила душу. Иногда очень хотелось душевного тепла и простого человеческого счастья.

Женщины, словно чувствуя это, кружили вокруг него постоянно. Упорно и настойчиво пытались они завладеть вниманием известного молодого профессора. Еще бы – завидный жених: и собой хорош, и обеспечен, и умен. Что поделаешь? Человеческая натура слаба... Иногда их поползновения на его свободу оказывались удачными...

Случалось, что Михаил поддавался женскому обаянию и попадал в расставленные сети, но все же редкие его увлечения оказывались недолгими и поверхностными. Зато после каждого расставания он, придя в себя и стряхнув очередное наваждение, говорил, скептически ухмыляясь и с удовольствием оглядываясь вокруг:

– Господи, хорошо-то как! Никто не ходит, не маячит, не болтает... Что ни говорите, а все же нет на белом свете ничего лучше свободы и комфортного одинокого спокойствия!

Так и катилась жизнь.

Погружаясь в научные изыскания, работая с утра до ночи, Михаил лишь иногда отдыхал в кругу своих родственников или семьи Николая. Он дружил, кстати, не только с Николаем, но и с его младшей сестренкой Нинкой, которую знал, наверное, сто лет. Нинка выросла на его глазах: они с Николаем водила ее сначала в детский сад, потом в школу, любя называли Кнопкой. Ходили вместе с ней в институт, ко-

гда она поступала. Верочка, кстати, помогала девушке готовиться к сочинению на филологический, куда Нинка отправилась, страстно полюбив русскую литературу и наслушавшись Верочкиных рассказов о филологах, их традициях и их великих наставниках.

Жизнь непредсказуема.

Годы бегут, берут свое, делают нас мудрее и рассудительнее.

Мы становимся сентиментальными и чувствительными. Скучаем по близким, тоскуем по минувшему, томимся от неизвестности.

И вот теперь, вернувшись из Америки, где он целых три года читал лекции в известном университете, Михаил, одинокий, свободный и полный сил, безумно хотел встретиться с любимыми друзьями и родственниками.

Ведь как бы ни было хорошо за границей, но, как писал известный классик, «дым Отечества нам сладок и приятен...».

Глава 8

Кира, сидя за своим большим старым столом, старательно заполняла зачетки.

Марта Михайловна, войдя на кафедру, внимательно посмотрела на коллегу:

– Что это Вы, Кирочка, сами пишете? Поручите-ка это Соне, она-то уже с ведомостями закончила. Пусть поможет Вам...

Кира подняла голову и улыбнулась:

– Ну, что Вы! Я, Марта Михайловна, обожаю это дело. Да и расписываюсь я сейчас только в зачетках тех студентов, кому экзамен «автоматом» поставила.

– Ну, тогда понятно, – заведующая кафедрой согласно кивнула, – с отличниками всегда приятно дело иметь.

Марта, вздохнув, прошла и присела за свой стол. Открыла ящик, сложила туда папки с курсовыми работами и, поправив элегантные очки, обернулась к Соне:

– Сонечка, а что у нас с чаем? Будьте добры, заварите свеженького. У нас ведь еще заседание кафедры через два часа. Сейчас начнут подъезжать наши преподаватели, доценты, я еще и аспирантов пригласила. Пусть послушают... Вопросов много, зачетная сессия заканчивается. Хочу пригласительные как раз раздать, из ректората принесли сегодня.

Кира, услышав, удивилась:

– Пригласительные? Какие еще пригласительные, если не секрет?

Марта Михайловна загадочно помолчала, а потом, сморщившись, лишь махнула рукой:

– Ой, не умею я секретов хранить. А от Вас, Кирочка, тем более... В общем так... В главном корпусе 28 декабря будет новогодний вечер для профессорско-преподавательского состава, то бишь для всех нас.

– Ой, как здорово, – Соня даже в ладоши захлопала, но тут же осеклась, погрузнев, – а меня-то, наверное, не пустят.

Марта Михайловна недоуменно нахмурилась, взглянув на девушку поверх своих модных очков:

– Как это? Почему ж это Вас не пустят?

Соня опустила голову:

– Ну, как почему... Я ведь не профессорско-преподавательский состав? Я обычная лаборантка.

Кира, услышав это, громко расхохоталась, а Марта осуждающе покачала головой:

– Ой, Соня, Вы меня когда-нибудь просто уморите Вашими глупостями. Вот интересно, как это такие ужасные мысли рождаются в Вашей прелестной головке? Надо же еще додуматься до такого! Поймите, Вы – работник нашей кафедры, и значит пойдете обязательно. И потом... Если не Вы, то кто? Вам сам Бог велел плясать от души на таких праздниках. И если даже наши профессора и академики, которым уже под восемьдесят, пойдут, то вы – тем более, непременно... Так

что готовьте, Соня, наряды.

Девушка, довольная ответом заведующей кафедры, обрадовано выдохнула:

– Ой, спасибо!

И тут же засуетилась:

– Я сейчас чайку сделаю. Через минуту свеженького принесу... Она понеслась за книжные шкафы.

Там у них издавна были устроены своеобразная гардеробная и небольшая импровизированная кухонька, где хранились чайник, сахар, где иногда бывало и варенье, которое приносили преподаватели из дома. Пока Соня старательно громыхла посудой за шкафами, Марта Михайловна вопросительно взглянула на Киру:

– Как Ваша группа? Что там с этой девочкой из детдома? Сдала она зачет по логике?

Кира вздохнула:

– Сдала, но, честно говоря, с трудом.

Она помолчала и добавила:

– Девчонка-то такая хорошая! Настоящий филолог... Романтичная, эмоциональная, такая трепетная. И, к моему удивлению, жизнь эта детдомовская ее совсем не испортила. Не обозлила, не огрубила, не опошшила. Как-то сумела она сохранить природную нежность и хрупкость натуры. Понимаете? Удивительная девочка.

Марта Михайловна озабоченно сдвинула брови:

– Надо же... Ну, а что? Что там за проблемы с этой логи-

кой у нее? Кира развела руками:

– Да ничего серьезного. Просто уперся Кирилл Андреевич и все... Говорит, не так как положено решает она эти задачи по логике. Представляете? Я ему толкую, что мы все филологи такие, мы чувствами живем, а не логикой руководствуемся. А он в одну душу – не поставлю зачет! Не поверите, еле уговорила. Взяла грех на душу – умоляла целый час.

Заведующая кафедрой улыбнулась:

– Ну, все знают, что Кирилл Андреевич такой у нас... Су-ровый. Не сговорчивый. Бредит своей логикой, ищет ее повсюду. Ну, слава Богу, что все благополучно завершилось. Вы, кстати, ей материальную помощь оформили к Новому году? Мы с Вами обсуждали, помните?

Кира кивнула:

– Конечно. Уже отдала все документы.

Дверь кафедры распахнулась, и в нее, оживленно переговариваясь, вошли сразу несколько человек. Аспирантки Галина и Тамара, Нина Сергеевна и еще двое мужчин. Один из них – известный в филологических кругах лермонтовед, посвятивший изучению и осмыслению творчества М. Ю. Лермонтова всю свою жизнь, а второй – человек, влюбленный в поэтику Пушкина и читающий спецкурс студентам третьей и четвертой групп.

Сразу стало шумно.

Пришедшие громко здоровались, делились последними новостями, что-то рассказывали...

Марта Михайловна, глядя на всех своих коллег, тихо радовалась.

Она, всю жизнь отдавшая филологическому факультету, обожала и свою работу, и этих прекрасных людей, увлеченных литературой и самозабвенно изучающих ее особенности, поэтику и своеобразие. Она любила этих необыкновенных людей, объединенных одним емким словом – филологи. Этих окрыленных, неравнодушных и околдованных литературой ученых, которые с бесконечной любовью несли знания студентам, щедро делились своими талантами и стремились не просто передать информацию, но и дарили ученикам частичку своей необыкновенной филологической души, нежной, доброй и бесконечно милосердной.

Заседание кафедры, как обычно, затянулось. Вопросов накопилось много.

Сначала долго обсуждали учебный план, спорили о необходимости новых спецкурсов, потом составляли заявку в профком, решали, что подарить ветеранам кафедры и как лучше их поздравить. Кроме того, вручение приглашений билетов, вызвало множество шуток и смеха, чувствовалось, что в воздухе уже витает предпраздничное новогоднее настроение.

Наконец, когда густая синева повисла за окном, стали расходиться.

Стоял холодный декабрьский вечер.

Прозрачный воздух, наполненный хрустальным мороз-

ным сиянием, холодил нос и щеки, пробирался сквозь теплую одежду. Темное, низкое небо, словно ватное одеяло, плотно закрывало горизонт. Колючая поземка мела по земле, цепляясь за ноги и сердито подвывая.

Нина, пожившись, подняла воротник шубы и недовольно покачала головой:

– Ну и холод! Давно такого ледяного года не было... А по телевизору все говорят – потепление, потепление! Только головы людям морочат!

Кира усмехнулась:

– Брось... Это все болтовня! Какое там потепление? Вон какой морозище! Зима как зима...

Они пошли по улице туда, где на университетской парковке стояла машина Киры.

Пока они ехали по городу, Нина все восторгалась, глядя в окно:

– Красота! Будто сказка... Кира, как наш город похорошел, да? Заметила? Ты посмотри, как украсили – море огней, все сверкает... Чего только не придумали – и базары рождественские, и фонари какие-то невиданные, и горки ледяные на любой вкус... Слышишь ты?

Она удивленно обернулась к подруге:

– Чего ты молчишь как партизан?

Кира улыбнулась:

– А что? Ты предлагаешь мне не смотреть на дорогу? Если я начну любоваться улицами, то мы непременно куда –

нибудь влетим...

Нина нахмурилась:

– Господи, что ты такое говоришь! Не дай Бог... Лучше молчи, а потом все сразу скажешь. Не отвлекайся, смотри на дорогу!

Кира согласно кивнула:

– Вот это правильно!

Они еще ехали какое-то время молча, но потом неугомонная Нина опять не выдержала:

– Слушай, Кирусь, поедем сегодня ко мне ночевать? А? Посидим, чего-нибудь съедим, выпьем по бокалу вина... Будем всю ночь напролет болтать, а? Давно мы с тобой девичьи посиделки не устраивали?

Кира, чуть подумав, пожала плечами:

– Мысль неплохая, конечно. И правда, редко удастся посидеть, поговорить по душам...

Все работа, студенты, спешка, лекции! Но...

– Чего – «но»? – Нина насторожилась, – ну, что опять?

Кира вздохнула:

– Только одно меня останавливает... Вот ты говоришь – съедим чего-нибудь, да?

– Ну? – нахмурилась Нина, – и что? Говори уж... Чего тянешь?

Кира засмеялась:

– Ну, Нинок... Я из твоих слов делаю вывод, что ничего у тебя съестного нет. Сама говоришь – «чего-нибудь»... Так?

– Так, – нехотя согласилась подруга, – и что?

– А вот то... Зачем же нам ехать к тебе, если будем сидеть голодными? У меня есть встречное предложение, которое гораздо лучше. Давай поедем ко мне, у меня же мама вечно готовит на целый полк. Она ведь не умеет готовить маленькими порциями. Если борщ – то огромная кастрюля, если пирожки – то целый тазик... Поедем? Вкусно поедим, а потом уж будем до утра болтать. А?

Нина задумчиво подняла брови:

– Ну, даже не знаю. Неудобно Раису Федоровну среди ночи поднимать.

Кира усмехнулась:

– Ну, уж ты скажешь! Какая ж это ночь – половина десятого! Да она так рада будет! Во-первых, она тебя любит, во-вторых, мается от одиночества. Целый день одна сидит и плохо себя чувствует, и поговорить ей не с кем. Мама всегда радуется, когда гости приходят. Помнишь, как во времена учебы у нас по ночам к сессии готовились?

Нина покачала головой:

– Помню, конечно. Мы не спали, и мама твоя с нами за компанию... Ох, подруга, как же давно это было!

Кира решительно развернула машину:

– Ну и отлично. Решено. Едем к нам. Тем более, что завтра суббота. Здорово! Хоть выспимся, как следует!

Раиса Федоровна, увидев появившихся подружек, сразу радостно захлопотала:

– Ой, девоньки мои золотые! Ну, давайте, давайте... Проходите, раздевайтесь, мойте руки, я вас сейчас кормить стану!

Кира, оглянувшись на Нину, довольно ухмыльнулась:

– Что я тебе говорила? Сейчас будем обедаться.

Пока они разговаривали, раздевались и приводили себя в порядок, Раиса Федоровна весело хлопотала на кухне. Зато, когда подружки появились на пороге, Нина даже присвистнула:

– Боже мой! Раиса Федоровна, что это за пир такой?

Мама Киры довольно хохотнула, вытерла кружевным платочком вспотевший лоб и развела руками:

– А, как же, Ниночка? Я ж тебя как родную люблю, а ты, милая моя, теперь редко стала к нам заходить, – женщина погрозила Нине пальцем, – все по телефону болтаете. А про меня, старую, совсем забыла!

Кира ласково поглядела на мать:

– Перестань, перестань... Некогда нам по гостям разъезжать, мы ж на работе все время.

Но Раиса Федоровна не сдавалась:

– Это понятно, конечно. Но и отдыхать, девочки, нужно. Встречаться надо дома, за накрытым столом, в кругу близких и друзей, как положено, как встарь наши предки делали. Работа работой, а дома все же душевнее, теплее... Вот так. Ну, да ладно... Садитесь-ка поскорее, а то все уже остывает.

В тот вечер они долго сидели за столом.

Угощались, смеялись, вспоминали...

И только холодная луна, одиноко застывшая на темном небосводе, внимательно наблюдала за ними и тихо завидовала. Ведь это, и правда, так здорово, когда в доме спокойно, тепло и пахнет пирогами.

Значит, здесь живет счастье...

Глава 9

Деревенская улица, основательно занесенная за ночь снегом, была совершенно безлюдной.

Поля осторожно шагала по протоптанной в снегу тропинке, иногда то проваливаясь в рыхлый снег по щиколотку, то останавливаясь, чтобы перевести дух и поправить тяжелую сумку, привычно оттягивающую худенькое плечо.

В деревне народ просыпается рано: здесь другой ритм и другая жизнь, не то что в городе. Там спят долго, ложатся поздно, а здесь все наоборот.

Люди спать отправляются раньше, а встают и вовсе ни свет ни заря.

А как без этого? Надо скотину напоить, накормить... Корову вовремя подоить, подстилку под теленком убрать, поросенку сварить, хлев почистить. А ведь еще есть и куры, и гуси, и овцы... Хозяйство у деревенских жителей большое, беспокойное. Надо все успеть, а зимний день короток. Вот и поднимаются люди затемно, не ждут, пока петух опомнится и заголосит во все горло.

Полина на мгновение остановилась, посмотрела вдаль, поправила выбившуюся прядь волос под теплый платок из козьего пуха, вздохнула и двинулась дальше.

Деревня у них большая. Вон она раскинулась меж холмов, отсюда видна как на ладони... Целых двенадцать улиц.

Это для российской глубинки просто деревенская вселенная, своя галактика.

Поля горделиво усмехнулась.

Это не то что другие, соседние поселения. Ближние деревни как на подбор, все с одной улицей, и дома у них обычно расположены по разные стороны дороги. Там, конечно, жители обо всех все знают, там ничего ни от кого не скроешь. Так и живут всю жизнь под соседским бдительным оком: и рожают, и женятся, и умирают на глазах у всего честного народа.

А их деревня – целый мир.

Огромный районный центр.

Еще бы – двенадцать улиц. Широких и узких, длинных и извилистых, ровных и петляющих. Многокилометровых. А еще ведь есть переулки, тупики, переезды! Понятное дело, что не все люди друг с другом знакомы, зато родни – хоть пруд пруди: и двоюродных, и троюродных хватает.

Деревня – это особый мир.

Здесь и трудятся с удовольствием, и гуляют – от души. И все в этом, во многих местах уже утерянном мире, чище, добрее, искреннее: уж любят – так любят, дерутся – так от души, ненавидят – так до смерти. Все здесь проще, сердечнее, честнее, что ли...

В деревне если судят, то сурово, если жалеют – то милосерднее, если помогают – то бескорыстнее. А все потому, что народ деревенский сердцем не очерствел, не растерял при-

родной чистоты, не забыл еще о сострадании и сердобольности. Мужики, правда, в деревнях круты: если гуляют, то уж без меры. Любят выпить, так куда ж без этого...

Деревня – это слово раздольное, как и характеры людей, живущих и нынче в деревнях и селах, не променявших свою крохотную родину на более уютный и комфортабельный город.

Полина шла медленно, с удовольствием разглядывая родные пейзажи. Все здесь было знакомо: дома, занесенные ночной выюгой, дымящиеся на крышах трубы, спящие сады, утпающие в огромных сугробах, крашенные во все цвета радуги заборы, небольшие лавочки, на которых летом любят сидеть уставшие за день хозяйки.

А какой здесь воздух! А звуки какие!

Только в деревне такое и услышишь: то корова, мягко переступая, тяжело вздохнет в хлеву, то теленок нетерпеливо замычит, требуя теплого питья, то собака где-то зайдется в сердитом лае, громяхая длинной цепью, то овцы, сбившись в бестолковую кучу, испуганно заблеют, то вдруг всполошено загорланит чей-то петух, озабоченно пересчитывая сонных наседок.

Деревня живет своей, особенной жизнью.

И жизнь эта, полная тревог и каждодневных забот, наполнена глубоким смыслом, содержанием и значением.

Поля, работавшая почтальоном всю свою сознательную жизнь, давно исколесила все дорожки и тропинки своей род-

ной деревни и знала, конечно, каждого жителя от мала до велика. Она могла найти любого человека без адреса. Прочитает фамилию на конверте – и уже представляет, куда идти. Так и ходила много лет по деревне со своей огромной сумкой: кому-то пенсию несет, кому-то письмо, кому-то журнал или газету. В последнее время в городах почти перестали выписывать газеты и журналы, но в деревне, где привычки более живучи и долговечны, еще по-старинке выписывали местные областные газеты. Журналы из-за дороговизны, конечно, уже себе не позволяли: пенсии и зарплаты ведь в деревне крохотные, куда уж...

Люди, привыкшие к Поле, всегда ждали своего почтальона. Эта хрупкая женщина для многих оставалась не просто почтовым работником, а тоненьким связующим звеном, прочной ниточкой, соединяющей деревню с большим миром. Ее появление в каждом доме – это возможность и отвлечься от домашних дел, и передать привет и поклон на другой конец деревни, и послушать последние новости. И поговорят с ней, и обсудят все происшествия, и посплетничают... И чаю, конечно, предложат, и погреться зимой позовут, и пирогами угостят – в деревне люди гостеприимные, добрые и щедрые.

И так каждый день.

Но сегодня для деревенских стариков был особенный, важный день – Полина разносила пенсию.

Она шла легко, с удовольствием слушая, как снег поскри-

пывает под ногами. Иногда мимо проезжали машины, и тогда женщина пропускала их, чуть отступая в сторону с проторенной тропинки.

Вдруг где-то совсем рядом раздался визг тормозов.

Поля, удивленно оглянувшись, остановилась. Из машины вышел высокий мужчина, обутый в валенки, подшитые кожей, и толстый кожан домашней выделки.

Приветливо улыбаясь, он, широко шагая, подошел к Поле и, чуть прищурившись, ласково проговорил:

– Здравствуйте, Полина Николаевна. Вы, как всегда, ни свет ни заря?

Женщина, недовольно поджав губы, кивнула в ответ и отвела глаза:

– Да. Работа.

Мужчина хотел тронуть ее за рукав, но она резко отдернула руку:

– Ну, к чему это, Дмитрий Иванович? Зачем это? И для чего на глазах у всей деревни останавливаться? Ведь судачить наши кумушки начнут. Знаете же сами, мы все здесь на виду.

Мужчина равнодушно пожал плечами:

– Да что ж тут такого? Мы не делаем ничего недозволенного... Пусть себе судачат! Нам бояться нечего... Я не женат, не разведен, детей и жен не бросал, – он опять улыбнулся, – как говорится, совесть и биография без темных пятен. Да и Вам, Поля, по-моему, прятаться не от чего...

Поля, не глядя на него, согласно кивнула:

– Это так, конечно... Ну, хорошо, не сердитесь. А что случилось-то? Вы что-то хотите?

Она подняла на мужчину беспокойные серые глаза:

– Почты для Вас нет. Нет ни газет, ни журналов... Да и писем Вы, кроме заказных, никаких не получаете. По нынешним-то временам все Ваши документы, наверное, на электронную почту приходят. Так что лично Вам от почтальона теперь никакой пользы. Никакой!

Она вздохнула и добавила:

– Это старики еще пишут письма, да и то гораздо реже и реже. Раньше перед Новым годом столько открыток поздравительных приходило – в сумку не помещались! А теперь все сообщения по телефону. Уходит век писем и телеграмм. К сожалению...

Она задумчиво посмотрела вдаль.

Дмитрий, помолчав, согласился:

– Уходит. А жаль... Честное слово, жаль! Как здорово было бы получить сейчас от кого-нибудь письмо, а? Так хотелось бы!

Поля торопливо спрятала улыбку, тронувшую краешки губ, и кивнула:

– Да. Мы многое потеряли в наш современный век.

Они еще постояли, помолчали, неловко переминаясь с ноги на ногу...

Со стороны казалось, что эти двое, встретившись случай-

но, мирно беседуют. А на самом же деле между ними витало странное напряжение.

Дмитрий, глядя на женщину, старательно искал повод задержаться еще, а Поля, отворачиваясь, также старательно искала повод, чтобы поскорее уйти.

Наконец, оглянувшись еще раз, женщина решительно шагнула в сторону:

– Мне, Дмитрий Иванович, идти надо. Ну, правда. Пора. Так что не сердитесь, до свидания... Извините. Старики наши с утра пенсию ждут.

Мужчина, пожав плечами, нехотя отступил в сторону с тропинки, освобождая женщине дорогу:

– Конечно, конечно...

Пожалуйста. Простите уж, что задержал.

Поля резко шагнула, чуть согнувшись под тяжестью своей ноши. Не оглядываясь, она так быстро двинулась вперед, словно хотела поскорее убежать и спрятаться.

Дмитрий же постоял еще какое-то время, задумчиво глядя Полине вслед, а потом медленно сел в машину и, поддав газу, рванул по заснеженной дороге, то ли убегая от себя, то ли тоже торопясь скрыться от Поли.

Дмитрий появился в деревне два с половиной года назад.

Успешный бизнесмен, талантливый руководитель, видный мужчина, он вдруг решительно оставил город и, поручив компаньону все дела, перебрался в деревню, чтобы заняться сельским хозяйством. То ли так ему наскучил город,

то ли так надоела привычная, набившая оскомину, работа, что он, безжалостно сменив дорогой костюм и брендовые туфли на валенки и тулуп, с нескрываемым удовольствием окунулся в сельские проблемы. Городской житель, он взахлеб рассказывал друзьям о деревне и ее заботах. Выросший в огромном мегаполисе, он так рьяно взялся за незнакомую раньше работу, что деревенские только диву давались: приезжий мгновенно освоился, местных жителей не сторонился, достраивал огромную ферму, собирался купить коров специальной молочной чудо-породы, занялся заготовкой каких-то суперкормов, заканчивал строительство производственных цехов и конторы.

Опешившие от такого натиска мужики поначалу недоверчиво отнеслись к чужаку, да это и понятно. Явился непонятно откуда, взбаламутил народ, наобещал с три короба. Но потом, приглядевшись к мужчине, жители сменили гнев на милость и сами потянулись к нему: с работой ведь в деревне всегда плохо. Дмитрий мужиков не гнал, охотно с ними беседовал, принимал и трудоустраивал, рабочие руки ему нужны были. Однако, каждому претенденту при приеме на работу он ставил одно-единственное условие – не пить. Да ведь мужики и сами не дураки, понимали, что хорошая работа на дороге не валяется, и, соглашаясь на все, шли к нему толпой.

Так все и наладилось...

Дмитрия приняли в деревне, привыкли к нему и полюбили за честность, старание и порядочность.

Мужчина, нагружая деревенских долгожданной работой, и сам не чурался любого дела. С утра до ночи сидел в еще недостроенной конторе, бегал по ферме, до хрипоты спорил со строителями, ругался с закупщиками, поставщиками, подрядчиками...

Крутился как мог, а появившись дома за полночь, падал без сил на кровать, даже забывая поесть. Деревенские бабы его жалели, то пироги посылали с мужьями, то котлеты, то банку варенья передавали... И все гадали да судачили, чего ж он, такой завидный жених, все один да один? Почему не женится? А незамужние девчонки и молодухи так и вовсе места себе не находили, всю стараясь ему понравиться.

Но Дмитрий, погруженный с головой в работу, ни о чем, кроме своего строительства, и думать не мог. Не замечал ни внимания, устремленного на него, ни стараний девичьих, ни кокетливых глаз и улыбок. Ему просто не до того было, он жил только своими хлопотами, мечтами и устремлениями.

Так, в заботах и делах, прошло года полтора...

И сколько бы это еще длилось – неизвестно, если бы вдруг однажды, совершенно случайно зайдя на почту, мужчина не столкнулся с деревенским почтальоном Полей.

Увидел ее и... – пропал! Хватило одного мгновения. Одной секунды...

И мир, выстроенный в его рациональном мозгу, вдруг рассыпался на множество осколков, не складывающихся в одно целое. Что такое случилось с ним – он и сам не понимал. Не

понимал, да и не пытался понять... Знал только, что эта уже не очень молодая женщина разрушила его холодное спокойствие раз и навсегда, сломала логику его устоявшейся жизни, изменила сложившийся годами холостяцкий порядок.

Что в ней было такое?

Он не знал. Скорее всего – ничего особенного для других...

Но ее худенькая фигурка, собранные в высокий хвостик русые волосы, беспокойные серые глаза так будоражили его воображение, что у него даже скулы сводило. Сердце колотилось, как птица в клетке. При мысли о ней он даже дышать не мог ровно и начинал задыхаться, словно ему не хватало воздуха.

Всегда уравновешенный и уверенный в себе Дмитрий Иванович совершенно потерял спокойствие и, как школьник, стал искать любой повод, чтобы увидеться с Полей.

Вот ведь жизнь. Странная и непонятная. Удивительная...

И невозможно ни понять, ни объяснить, почему она с нами так поступает, почему иногда дает нам такие уроки? Почему она то лишает смысла наше существование, то осыпает царскими милостями?

Нет ответа на эти вечные вопросы.

Дмитрий, успешный и обеспеченный, умный и самостоятельный, случайно встречаясь с Полей, становился вдруг беспомощным, слабым и бессильным. Он словно ума лишался и терял дар речи. В такие мгновения ему хотелось только

одного, чтобы эта худенькая, сероглазая женщина не исчезала.

Но одного его желания оказывалось недостаточно.

Поля, сначала даже не понимавшая, отчего этот взрослый и красивый мужчина вдруг зачастил на почту, оставалась на удивление спокойной и невозмутимой. Сообразив, наконец, что их встречи не случайны, женщина сразу сказала себе, что этого счастья ей не надо. Деревенский почтальон, добрая и отзывчивая, она решила раз и навсегда, что ее сердце закрыто для любых потрясений.

Она не желала никаких испытаний. Никаких приключений и встрясок.

Ничего...

Однажды обжегшись на молоке, на воду дуют.

Однажды она уж ждала счастье. И любила, и верила, и надеялась.

Было и прошло. И никаких новых перемен в своей жизни женщина больше не хотела.

Глава 10

Поля подошла к зеркалу и внимательно посмотрела на свое отражение.

Из старого, чуть потемневшего от времени зеркала с потрескавшейся и слегка выгоревшей на солнце деревянной рамой на нее смотрела худенькая женщина с русыми волосами, беспорядочно рассыпанными по плечам. Глаза ее, уставшие и печальные, смотрели внимательно и как-то укоризненно. Гусиные лапки тоненьких морщинок совсем не портили ее довольно свежее лицо с четко очерченным подбородком.

Поля провела рукой по прохладной щеке, длинной шее и грустно покачала головой:

– Боже мой, неужели это я? Как же время сурово... Безжалостно и беспощадно.

Она взяла лежащую на тумбочке обычную резинку для волос и безжалостно стянула свои густые волосы в высокий хвостик, вздохнула и, взглянув на свое отражение еще раз, неторопливо отошла от зеркала.

Тетка ее, сидевшая на диване с бесконечным вязанием, подняла на племянницу покрасневшие глаза:

– Чего это ты маешься нынче? А? Полина?

Поля досадливо отмахнулась:

– Все нормально, тетя Глаша, все хорошо. Просто что-то устала, замерзла. Холодно сегодня на улице, студено...

Тетка подозрительно наморщила лоб:

– Точно ли? Ой, девка! Что-то ты сама не своя!

Все думаешь о чем-то...

Поля, нахмурившись и не отвечая дотошной Глафире, неторопливо прошла на кухню и принялась готовить ужин. Разговаривать совсем не хотелось, в голове, как противная заноза, застряла сегодняшняя встреча с Дмитрием. Странное дело – и вспоминать мужчину не хотелось, и выбросить из памяти не получалось. Чтобы как-то отвлечься, она взялась лепить пирожки из теста, которое тетка замесила еще рано утром. Привычная работа занимала руки и успокаивала нервы, но тут говорливая тетка, уставшая за день от одиночества, тоже вышла на кухню и, присев на табурет рядышком, подняла на племянницу выцветшие от времени глаза:

– Ох, Полюшка! Как же тяжело мне целый день одной сидеть... Муторно. Тоскливо. Расскажи хоть, детка, как твой день прошел? Я тут брожу по дому, маюсь от безделья в четырех стенах, а ведь там, за забором – жизнь!

Глафира чуть наклонила голову, устроилась поудобнее и продолжила:

– Чего молчишь? Что-то, и правда, ты сегодня долгонько ходила? Всю деревню, наверное, обошла за один раз?

Поля отряхнула ладошки, перепачканные мукой, и легко обернулась к тетушке:

– Да что рассказывать-то? Даже не знаю... Все как обычно. Как, впрочем, и всегда. Работа моя скучная и обыденная,

особенных приключений не бывает. На почте никаких событий не происходит, все тихо – мирно, буднично.

Тетка согласно кивнула:

– Это-то да... Тяжелая работа.

Но племянница, улыбнувшись, перебила тетку:

– Не тяжелая, а очень любимая! И нужная... Вот что главное! Сегодня, например, я пенсию разносила, а стариков у нас, помнишь, наверное, полная деревня. Поэтому чуть ли не в каждый дом пришлось заходить.

– И что? Что нового, что люди говорят? Не помер никто еще?

Поля опять улыбнулась и покачала головой:

– Слава Богу, нет. Старики наши живы, хотя жалуются, конечно, как и ты, и на жизнь, и на здоровье, и на детей своих... Всем недовольны.

– Да? – Глафира подслеповато прищурилась и подперла морщинистую щеку ладошкой, – и что им не нравится? Живут, как у Христа за пазухой, а все на детей по привычке жалуются.

Полина пожала плечами:

– Как что? Тут дело не в детях и внуках... Много причин: и пенсия маленькая, и хлеб в магазин нынче не каждый день привозят, и фельдшер долго болеет, и дороги плохие... Все у нас – как всегда.

– Понятно.

Тетка, задумавшись, посмотрела за окно.

– Ишь, как рано стемнело. Хотя что ж тут удивляться? Понятное дело – зима, – она поправила старенький пуховый платок, ее согнутую спину, – холодно, говоришь, там?

Поля кивнула:

– Еще как холодно! Пробирает до костей!

Тетка сердито нахмурилась:

– А вот сколько раз я тебе говорила – одевайся теплее! А ты? Упрямица! Ну что, скажи на милость, греет твоя юбчонка? А кофточка эта? Завтра надевай на себя жилетку из козьего пуха... Ту, что я летом тебе связала... Слышишь?

Полина нехотя оглянулась:

– Ну, что, я глухая? Слышу, конечно.

Однако тетка не унималась:

– Слышишь, а не одеваешься... Ох, Полина! Взрослая какая, а такая же упрямая, как в детстве! А ты помни, что я одна на всем свете у тебя осталась! Слышишь?

Женщина, вздохнув, еще раз отряхнула от муки руки и, подойдя к Глафире, ласково обняла ее за плечи:

– Ну, что ты сегодня все бубнишь и бубнишь? Ворчишь без остановки... Знаешь ведь, что я люблю тебя очень-очень! Да и помню я, конечно, что ты у меня одна совсем, и я у тебя одна... Ну, и ладно. Разве нам плохо вместе?

Глафира, сразу по-стариковски расчувствовавшись, шмыгнула носом:

– Ой, милая! Ну, ладно, ладно... Не сердись, детка. Это старость. Старость, будь она неладна! Да и переживаю я за

тебя! Вот помру – одна ты останешься. Разве ж это правильно? Волнуюсь, как жить тогда станешь? Ни мужа, ни детей... Одна-одинешенька! Как перекасти поле. Как не переживать старой тетке, а? Полечка?

Поля неторопливо включила духовку, намазала противень растительным маслом и, понимая, что тетка все равно не успокоится, развела руками:

– Ну, скажи на милость, вот ты какого ответа от меня сейчас ждешь? Что сказать тебе, чтобы ты успокоилась? А?

Она вздохнула:

– Конечно, плохо мне будет без тебя. Очень плохо! Мы ж с тобой больше двадцати лет вместе, да? Как мама умерла, так мы с тобой и переехали из города, помнишь? Знаю я, что ты мне и за маму, и за отца... Все знаю, все помню. Так что ты живи! Долго живи, тетушка. Ради меня. Договорились?

Поля чмокнула тетку в макушку и вернулась к пирожкам.

Глафира, тихо выслушав племянницу, послушно кивнула, смахнула выступившие слезы, поправила платок и прошептала:

– Я стараюсь, детка, изо всех сил стараюсь, но судьбе ведь не прикажешь. Не перехитришь ее! Сколько на роду написано – столько и проживешь. Ни на один день сам себе жизнь не удлинишь, как ни старайся – всему свое время, свой срок отмерен... Вот потому мне и страшно тебя оставлять одну. О тебе, Полюшка, все мои мысли и страхи. Только о тебе одной...

Полина, отправив, наконец, пироги в духовку, усмехнулась:

– Слушай, что это у нас с тобой больно печальный разговор сегодня получается? С чего бы это? Давай-ка заканчивать эту унылую песню... Хватит, не горюй! Сейчас пироги подспеют, вот и котлеты у нас готовы, сейчас из погреба капусты квашенной достану... Не ужин у нас получится, а пир горой! Да?

Ужинали они весело, обсуждали соседей и новости, потоком льющиеся из телевизора.

Однако, когда Глафира, чрезвычайно довольная и собой, и племянницей, и ужином, отправилась спать, тяжелые воспоминания, разбуженный теткой, все-таки вернулись к Полине, опутывая ее, словно паутиной. Войдя в свою комнату, она подошла к окну и задумалась, растревоженная сегодняшним разговором.

Вот ведь как получается в этой жизни!

Как странно все складывается... Как нелегко!

И мама была когда-то, и отец, и достаток в семье, и радость, и счастье... И ничто, как говорится, не предвещало беды.

Но эта мирная, тихая, размеренная и спокойная жизнь рухнула в одночасье. Все разладилось, разрушилось как-то просто и легко, рассыпалось как карточный домик!

Сначала отец ушел к другой женщине.

Просто взял и ушел. С утра еще завтракал дома, шутил

с мамой, а в обед подъехал на машине ко двору, вошел, чуть сгорбившись. Сел на стул, как-то потерянно помолчал. Взволнованно взлохматил волосы пятерней, смущенно кашлянул и глухо сказал удивленной маме, что уходит к другой женщине. Ничего не объяснил, не повинился, не просил прощения... Как-то обыденно и спокойно собрал чемодан, обернулся на прощание, потоптался у порога и уже у двери бросил совершенно обомлевшей и растерявшейся от неожиданности жене: «В общем, уйду. Так получилось. Не помните лихон», – и ушел навсегда.

Мама, осевшая на полот ужаса, горя и скоропостижности беды, сначала ничего понять не могла, молчала, словно онемев, а потом заголосила так, что соседки сбежались. Как ведется, постояли, поохали, посудачили и к вечеру разошлись шусукаться по домам. Поступок отца в деревне не одобряли. Косточки мужику перемывали долго, очевидно, соседей тоже поразил его скороспелый уход. Дотошных баб мучил один вопрос, больно им хотелось узнать, на кого ж отец маму променял.

И узнали ж настырные бабы!

Любопытство женское ни границ, ни запретов ведь не знает. Как-то под вечер болтливые доброжелательницы сообщили Полине с матерью, что мужик их уехал к молодой в соседний район, и что та уже, вроде бы, и родить собирается.

Мать, втайне надеявшаяся на возвращение отца, услышав эту печальную новость, прорыдала всю ночь, выла по-бабье-

му, голосила, кусая подушку, долю свою несчастную проклинала. А Полина, сидя рядом с ней, молча глотала слезы и гладила убитую горем маму по плечу, не находя слов для утешения.

Пришла беда в дом неожиданно-негаданно. Поселилась рядышком, не спросив никого. Да и осталась навеки вечные.

И чем дальше – тем больше.

Видно черная полоса все-таки всегда шире и длиннее белой.

И конца и краю ей обычно не видно...

Надо было как-то жить. Они и жили, сцепив зубы.

Приходилось трудно, но что делать? Человек, говорят, ко всему привыкает...

Полина закончила школу.

Год оказался для нее нелегким: и отец внезапно ушел, и мама постоянно болела, и учителя в школе требовали качества знаний. А какое уж тут качество, когда столько горя свалилось на ее голову? Девушка, собрав все силы и нервы в кулак, старалась как-то противостоять навалившейся беде, боролась, барахталась из последних сил. Занималась по ночам, маму усиленно отвлекала, все дела по дому на себя взвалила.

До весны как-то, слава Богу, дожили.

А летом им стало легче: и мать немного ожила, стала улыбаться, огород посадила, цыплят купила. Поля, вздохнув с облегчением, расслабилась и уехала в город поступать. Девушке стало казаться, что, наконец, и в их горестной жизни

наступила белая полоса. С жильем городским никаких проблем не было, потому что в городе давным-давно жила мамина родная сестра Глафира. В незапамятные времена, еще в раннем девичестве, она, стремясь к лучшей жизни, уехала из деревни, работала на фабрике с утра до ночи, в профкоме выполняла какие-то поручения и ждала своей очереди на жилье. И выстояла, выдержала, получила, наконец, через много лет свою долгожданную однокомнатную квартиру!

Обжилась, обосновалась, приросла к городу корнями...

И все вроде бы сложилось в ее жизни хорошо, все ладилось и получалось, шло как по маслу.... На фабрике тетку уважали, она ходила в передовиках производства, в фабричной газете даже о ней писали. Только одно печалило тетку Глашу. Так и не встретился ей человек, который хотел бы создать с ней семью.

Не случилась в ее одинокой жизни большая любовь. Не сложилось счастье, заплутало где-то...

Все жила тетка одна да одна, а за работой своей так и вовсе не заметила, как состарилась в одиночестве.

Все прошло, годы молодые пробежали, ведь женский век короток...

А сердце бабье все-таки хочет любить, мечтает о детях, поэтому всю свою нерастраченную любовь перенесла Глафира на племянницу Полину. Приезжала она в деревню часто и всегда с кучей подарков. Уж как любила она дочь сестры! Как баловала девчонку! И книжки, и платья, и сапожки –

всего даже не перечесать. Глядела на подрастающую племянницу и втайне надеялась, что настанет время, Полина закончит школу и к ней в город пожелует. Мечтала, планировала, готовилась... И надо же, дождалась своего часа – девушка, приехав поступать, первым делом появилась, конечно, у Глафиры на пороге. Радости не было конца и краю...

Глафира, сияя от счастья, поклеила новые обои, побелила потолок, выбросила старую тумбочку и купила новый диван для любимой девочки. И полку для книг на стену повесила. И лампу настольную приобрела. Денег не пожалела, выбрала самую дорогую... Так старалась! Наготовила всяких вкусностей, баловала дорогую Полечку, искренне надеясь, что, наконец, глухое бесцветное одиночество, так мучившее ее всю жизнь, отступило. Верила, что счастье пришло, радовалась, что теперь ей будет о ком заботиться, будет, с кем поговорить долгими зимними вечерами.

Глафира мечтала, планировала, суежилась... Из кожи вон лезла, лишь бы Полюшку осчастливить.

Но мы предполагаем, а жизнь, как известно, располагает. Ах, если бы все наши планы сбывались и желания исполнялись...

Если бы, если бы, если бы!

Но все пошло совсем не так, как хотелось Полине и как представляла Глафира.

Жизнь завязала такой тугой узел, так закрутила жесткую пружину, что выкарабкаться из возникшей ситуации, жуткой

и страшной, они смогли не сразу... Долго в себя приходили.

Все внезапно как-то пошло кувырком. И долгожданный покой, и душевное равновесие, и обретенная гармония – все кануло в небытие...

И даже теперь, в свои тридцать восемь лет, Полина, вспоминая об этих днях, иногда скатывалась к страшному унынию и утопала в густой печали.

Наверное, все мы несем за плечами тяжелый груз прошлого.

Все шагаем по жизни, переступая с черного на белое. И обратно... С белого на черное.

Но радость и счастье мы почему-то быстро забываем, а вот тяжелое и темное несем с собой через всю нашу жизнь.

Глава 11

Кира нетерпеливо поглядела на часы и сердито вздохнула.

Ну, конечно, Нина опаздывает. Как, впрочем, и всегда...

Кира решительно достала телефон и набрала давно знакомый номер. Гудки били в ухо целую вечность, пока, наконец, довольный и радостный голос подруги не пропел весело и беспечно:

– Да?

Кира чуть не подавилась своим негодованием:

– Нина! Что «да»? Ты где?

Нинка ответила, как ни в чем не бывало, нисколько не смущаясь и не теряя благостного расположения духа:

– Кирюша, а ты никак сердишься?

Так уж повелось еще с первого курса, что Нина в минуты особого душевного расположения называла Киру Кирюшей. И никакие сопротивления подруги ее не останавливали. Она парировала безапелляционно:

– Ты моя лучшая подруга. Я тебя люблю как сестру. И как хочу, так и называю. Поняла? Если тебя это успокоит, то тоже можешь называть меня как душе угодно. Я не обижусь и тебе не рекомендую!

Но сегодня, негодуя и нервничая, Кира на это даже внимания не обратила:

– А еще бы мне не сердиться? Ты что, забыла? Я уже пол-

часа тебя одетая жду! Мне жарко! Ты где?

Было слышно, что Нина вздохнула, и уже тише, и гораздо миролюбивее ответила:

– Кирюша, я иду. Иду! Просто я машину дома оставила – предновогодние пробки меня бесят. Ты же знаешь... Я ехала на такси, а потом решила пешком пройтись, поэтому быстро не получается – зима все-таки, скользко, ветрено.

Кира не сдавалась:

– Так сколько ж ты еще брести будешь?

Ниночка досадливо отмахнулась:

– Ну, все, отстань, зануда! Сейчас буду.

Но тут же, не сдержавшись, выпалила:

– Умей прощать маленькие слабости близких людей.

Кира, поняв безнадежность всех своих увещаний, лишь недовольно буркнула в трубку:

– Поторопись, близкий человек, а то я сейчас просто лопну от злости.

Положив трубку, она присела в кресло, и недовольно сморщившись, опять посмотрела на часы.

Кира, миролюбивая и быстро отходчивая натура, терпеть не могла одного – опоздания. И любой, кто бы ни оказывался опоздавшим, всегда вызывал в ней бурю эмоций, близких к раздражению и порой даже злости. Ну, никак не могла Кира понять, как можно опаздывать, зная, что тебя уже ждут. Можно же раньше выйти из дома, заказать заранее такси, или, на худой конец, просто позвонить и предупредить,

чтобы человек не ждал и не нервничал. Но, к сожалению, ее лучшая и ближайшая подруга Ниночка, в филологических кругах уважаемый доцент Нина Сергеевна, этого убеждения Киры не разделяла, считая, что женщине можно все. Это, пожалуй, и было то единственное, что их отличало друг от друга.

Кира нетерпеливо вскочила с кресла, но в это время ее телефон зазвонил, и Ниночка радостно сообщила, что стоит уже возле подъезда. Вздохнув с облегчением, Кира стремительно выскочила на лестничную площадку, громко хлопнув входной дверью.

Подруги пошли по улице, и Нина, совершенно не чувствуя своей вины, хохоча принялась обнимать Киру за плечи:

– Ну, Кирюша, перестань... Не хмурься, это портит твое ангельское личико! Будешь морщинистая и безобразная, как Баба-Яга! Фу! Даже страшно подумать... Ну, перестань!

Кира, улыбнувшись, отмахнулась от нее:

– Не подлизывайся, отстань!

– Ну, как же я могу от тебя отстать, солнце мое? Я ж к тебе по жизни привязана...

Кира, не удержавшись, громко рассмеялась:

– Ой, Нинка, и за что я тебя люблю!?

Нина, не сдаваясь, хитро подмигнула:

– Ясное дело, за что... За чистую душу и бесконечную преданность.

Они дружно захохотали. А что? Ведь иногда и в сорок лет

мы чувствуем себя детьми и, несмотря на появившиеся морщинки, веселимся, как школьники.

Сегодня, накануне Нового года, женщины решили отправиться по магазинам.

Хотелось и подарки близким купить, и погулять по празднично украшенному городу, и в кафе посидеть с чашечкой любимого кофе. Да и просто они находили настоящее удовольствие в общении друг с другом. Все-таки, встречаясь каждый день на работе, они все силы отдавали лекциям, беседам со студентами, семинарам, заседаниям кафедры, подготовке аспирантов, проверке курсовых и дипломных работ. Иногда едва успевали двумя-тремя словами переброситься за долгую трудовую смену. Поэтому такие редкие дни, когда подруги могли быть вместе с утра до вечера, они старались не упускать: им всегда было, о чем поговорить, что вспомнить и о чем поплакать...

Настоящим подругам ведь никогда вместе не скучно. Настоящие подруги все на двоих делят.

Им и горько вместе, и радостно.

Только жестокая правда жизни заключается лишь в том, что настоящих подруг все меньше и меньше теперь встречается. К большому сожалению.

Кира и Нина успели многое за этот короткий, довольно студеный зимний день.

Шел легкий снег.

Тонкие, почти прозрачные пушинки осторожно ложились

на ладони и сразу таяли, оставляя то ли чистые капли радости, то ли холодные слезинки... Серое небо, покрытое плотным покрывалом облаков, старательно прятало далекое солнце. Снег хрустел под ногами, словно рассыпанный плохой хозяйкой крахмал. Изломанные спички тропинок желтели песком, обильно и старательно разбросанным поутру дворниками.

Подруги успели побродить по Красной площади, превращенной в праздничный новогодний базар, полюбоваться дивными украшениями Тверской и Никольской, забежать в любимые магазинчики, закупить каких-то безделушек, которые отчего-то греют душу и радуют сердце. Наконец, уставшие и безмерно довольные своими покупками, Кира и Нина присели за крохотный столик в давно знакомом кафе на Тверском бульваре.

Они с облегчением расположились у большого окна.

В кафе было светло и очень уютно.

А там, за окном, уже постепенно темнело. Спешили уставшие горожане. Мерцала праздничная иллюминация. Неторопливо падал снег. Удивительное праздничное настроение уже витало в воздухе.

И хотелось мечтать и говорить о чем-то хорошем, теплом и душевном...

Чуть расслабившись после дня, проведенного на морозе, долго решали, что выбрать. А потом озорная Нина махнула рукой и, подмигнув подруге, решительно заявила:

– Ой, Кирюша, давай-ка сегодня плюнем на все наши дилеты, а?

Кира растерянно пожала плечами:

– Ой, даже не знаю...

Худели, худели к Новому году, а тут на тебе...

Нина лукаво усмехнулась:

– Перестань. Ну, прекрати, пожалуйста! Ты и без похудения этого такая красавица, что будь я мужчиной, глаз бы с тебя не спускала.

Кира кивнула:

– Ну, была не была... Давай. Что, на пирожные намекаешь?

Нина сверкнула черными, чуть раскосыми глазами, подвела итог их раздумьям и сомнениям:

– В общем, так... Берем два заварных пирожных, две корзиночки с клубникой, две творожные полоски...

Кира испуганно округлила глаза:

– Эй, эй, тормози, подруга! Ты чего, с ума сошла? Да мы в дверь не пройдем после твоей щедрости.

– Где наша не пропадала! – Нина азартно ухмыльнулась, – мы ж не на минутку сюда забрели? Будем сидеть долго, есть с удовольствием, не торопясь... Смакуя каждую крошечку!

Кира задумчиво вздохнула:

– Ой, такое количество сладкой еды меня, честно говоря, просто пугает. Может, все-таки не будем? А? Нинок?

Кира жалобно посмотрела на Нину, но та твердо стояла на

своём. Тогда Кира, понимая бесполезность сопротивления, согласилась:

– Ладно. Пировать так пировать!

Нина радостно хлопнула в ладони:

– Ура! Я победила! Итак...

Она оглянулась в поисках официанта, и когда он поспешно подошел, заказала ему все, чего ее душа пожелала.

Молодой человек удивленно приподнял бровь, но, очевидно, сдержав рвущееся на свободу изумление, только послушно склонился и тщательно записал весь заказ:

– Спасибо, дамы. Сейчас все будет готово.

Тихо звучала музыка, создавая атмосферу уюта, комфорта и легкого расслабления.

Кира оглянулась по сторонам:

– Ох и хорошо же здесь, да? Все, как мы любим...

Нина согласно кивнула:

– Угу. Очень...

Кира улыбнулась:

– Как все изменилось. Сколько стало таких замечательных мест. Смотри, вроде бы и народу немало, но никто друг другу не мешает.

– Да не надо усложнять, – Нина повела красивыми плечами и чуть прищурилась, – все просто, Кира, люди отдыхают, никому ни до кого нет дела...

– Нет, ты не права. Не все отдыхают. У кого-то деловая встреча, у кого-то свидание, кто-то просто забежал поесть...

А все-равно тихо и как-то интеллигентно. Нет шума, гама, сумятицы, как в девяностые, помнишь? Может, просто люди изменились? Может, все мы другими стали?

Нина сморщилась:

– Кирюша, ты чего, сюда философствовать пришла? Не хочу я об этом думать. И вообще ни о чем не хочу думать сегодня! Нынешний день – только для нас, любимых! Поняла, подруга?

Они посмеялись.

Но настроение у Киры все же то и дело сбивалось на лирику...

Глядя в темнеющее окно, она словно погрузилась в атмосферу приближающейся зимней ночи. Задумчиво любясь мигающими за окном огнями праздничной иллюминации, сверкающей на Тверском бульваре волшебной елкой, кружащимися резными снежинками, она тихо размышляла вслух:

– Летит время. Что ни говори – летит! Как же я люблю эти предновогодние дни. Все-таки декабрь – это не только сессия наших студентов, не только зачеты и экзамены, но и время сюрпризов и подарков. Время радости и возвращения в далекое детство. Время веры в настоящее чудо.

– Да, да, да... – Нина улыбнулась, – это точно. Декабрь – время ожидания и исполнения самых заветных желаний!

Кира взволнованно взглянула на подругу:

– Ты знаешь, Нин, я всегда волнуюсь почему-то, когда наступает этот предновогодний месяц.

Нина внимательно посмотрела на свою любимую Киру:

– Не хитри, милая. И я, и ты прекрасно понимаем, отчего ты нервничаешь. Я сама до сих пор не могу без содрогания вспоминать тот декабрь двадцатилетней давности.

Кира вдруг почувствовала, что глаза ее наполнились слезами.

Она опустила голову, но, сразу справившись с нахлынувшим вдруг волнением, тут же согласно кивнула:

– Да, есть повод, конечно.

Потом грустно улыбнулась:

– А сейчас моей девочке исполнилось бы как раз двадцать лет! Представляешь? Я вот все думаю... Почему судьба так беспощадно меня наказала тогда?

Нина, услышав это, нахмурилась:

– Да почему же наказала? А, может быть, спасла тебя, дурочку молодую? Дала шанс нормально жить, работать и развиваться? А?

Взглянув на поникшую подругу, Нина сурово продолжила:

– Ну, что бы ты тогда могла ей дать? Тебе самой-то двадцать всего было, помнишь? Ни специальности, ни образования, ни денег, ни положения... Ничего! Всего лишь студентка! Нет, конечно же, если бы все сложилось с родами удачно, мы бы все осилили. Однозначно. Как-то совместными стараниями поставили бы ее на ноги – это совершенно точно, вырастили бы твою девчонку, но, все-таки, не гневи

Бога. Раз он так решил, значит так и должно быть. Не ропщи. Не надо. Нам просто не дано понять всего того, что происходит вокруг...

Кира, пожав плечами, хотела что-то возразить своей решительной подруге, но та даже и слушать ее не захотела:

– И не возражай! Все понимаю. Помню, как ты страдала, как мама твоя изводилась, как у меня на нервной почве сон пропал... Не забыла я весь этот ужас, но сейчас, и правда, думаю, что все...

Она вдруг перекрестилась:

– Прости меня, Господи! Я думаю, – продолжила она через мгновение, – что все это случилось к лучшему.

Нина помолчала и еще добавила:

– Ты посмотри сейчас на себя – умная, успешная, красивая – просто загляденье! Всего достигла, все у тебя есть.

Кира невесело ухмыльнулась:

– Не все. Нет у меня семьи и детей...

Нина рассудительно развела руками:

– Ну, знаешь ли... И у меня нет. Что поделаешь? Так бывает. Кому-то – одно, кому-то – другое... Я, например, даже и не хочу заморачиваться на эту тему. А потом, кто сказал, что мы куда-то опоздали? И в сорок лет счастье людей настагает. И в сорок лет случается любовь...

Она подмигнула Кире:

– Ну, все, все... Не хандри. Что было, то прошло!

И вдруг спохватилась:

– Ой, Кирюша, слушай... Я чуть не забыла! Ты помнишь Мишку? Мишку Лапина?

Кира, еще не остывшая после печальных воспоминаний, удивленно округлила глаза:

– Какого еще Мишку?

Нина нетерпеливо взмахнула руками:

– Ну, вечно ты со своей дырявой памятью... Вспомни! У моего брата Николаши есть вечный друг, химический гений – Михаил Лапин. Ну, вспомнила?

Кира, что-то с трудом припоминая, согласно кивнула:

– Да, да, да... Помню. Есть такой. Профессор, химик, ученый. И что?

– А вот что! – Нина хитро ухмыльнулась, – он только что вернулся из Америки, где закончил, наконец-то, читать свои лекции. Он здесь, в Москве, и собирает всех друзей и родственников в ресторане.

Кира озадаченно сдвинула брови:

– Зачем?

– Как зачем? Соскучился человек, понимаешь? Хочет всех увидеть! Так вот, мы с тобой приглашены!

– Да? – Кира недоумевающе глянула на подругу, – подожди, что-то я не очень понимаю... Ладно – ты, сестра лучшего друга, почти родственница, а я там каким боком? Разве не странно? Он ведь меня даже не узнает, мы и виделись-то, наверное, лет шестнадцать назад. Этот великий ученый, я уверена, о моем существовании даже и не помнит. Скажи,

зачем я там?

Но Ниночка, не принимая никаких возражений, замотала головой:

– Даже и не думай! Слушать ничего не хочу! Он сказал, что приглашение на двоих. На двоих, слышишь ты это?

– Ну? – Кира недовольно поджала губы, – и что?

– А то! Ты моя подруга, почти сестра. Где я – там и ты... Так было всегда, ты что, забыла? Я решила, что мы идем – это не обсуждается!

– Как это – я решила? – передразнила Кира подругу, – а у меня спросить позабыла?

Нина отмахнулась:

– Отстань! Идем – и все тут.

Кира рассмеялась:

– Господи, ты – настоящий тиран!

– Думай, что хочешь, – Нина решительно хлопнула по столу, – мы идем вместе. Если и забыл Лапин тебя – не страшно, значит заново познакомитесь. Заодно и с Николаем увидимся, а то все некогда да некогда. Ну что, договорились?

Кира, вздохнув, миролюбиво подняла руки:

– Да разве с тобой можно спорить? Ты же как танк – все на своем пути сметаешь... Пойдем уж, куда деваться. А когда идти-то надо?

– Послезавтра, – Ниночка довольно хохотнула и погрозила пальцем, – смотри, ты должна выглядеть на все сто! Вдруг жениха тебе найдем.

Не давая подруге возразить, тут же продолжила:

– Или мне... А что, я тоже еще ничего!

Подруги посмеялись и дружно принялись за давно уже принесенные пирожные, терпеливо дожидаящиеся их на столе.

Глава 12

Кире очень не хотелось идти в ресторан.

Но ведь Нина – это лавина, несущаяся с гор, которая все сметает на своем пути. Ведь ей и палец в рот не клади – откусит и даже не заметит. Стремительная и быстрая Нина могла кого угодно с ума свести своим напором и натиском, поэтому Кира старалась с ней по пустякам не конфликтовать. По-друге это очень нравилось, и она, пользуясь любой возможностью, усердно опекала Киру.

Вот и сегодня, словно чувствуя, что Кире не по вкусу ее затея, она с самого утра уже сто раз позвонила, контролируя каждый шаг любимой подруги:

– Привет! Что делаешь? Голову помыла? Хорошо...

Через полчаса опять:

– Так... Ну, что делаешь? Чай пьешь? Бездельница! Напрасно ленишься, не теряй время.

Еще через час:

– Ну, как дела? Платье выбрала? Еще нет? Как это нет? Ты спятила? Вот лентяйка! Поднимайся сейчас же... Давай, давай! Выбирай наряд, я через полчаса опять позвоню.

Кира, устав от бесконечного и неусыпного надзора подруги, на этот раз, не сдержавшись, громко взбунтовалась:

– Нина! Хватит! Прекрати! Я не маленькая... Что это ты выдумала?

Но Ниночка, абсолютно уверенная в своей правоте, даже и глазом не моргнула:

— А ты не кипятись! Тебе только дай волю, сразу усядешься с книгой где-нибудь в уголке... Будешь сидеть, прокисать, как вчерашнее молоко! Давай, давай, шевелись и не теряй времени, собирайся!

В общем, день с утра выдался сложный и нервный.

Кира сокрушенно вздохнула, поглядела на свое отражение в большом зеркале и, подойдя к шкафу, задумчиво открыла дверцу, обреченно размышляя о том, как совместить несовместимое. Ведь надо и выглядеть хорошо, и чувствовать себя при этом удобно...

Выбор платья – тяжкое занятие, это любая дама подтвердит.

Мужчины и представить себе не могут, сколько тратится нервов, эмоций и калорий при подготовке к празднику, торжественному вечеру или официальному выходу. Если платье было куплено заранее, специально для этого случая, тогда и проблем нет, но если купить наряд не удалось, то тогда – все! Катастрофа! Крушение!

Настроение испорчено, нервы на пределе.

Причем происходит это всегда примерно одинаково: задумчиво открываешь дверцы шкафа и зависаешь в какой-то прострации...

Тупо разглядываешь вещи, а в голове тревожно и надоедливо бьется одна страшная мысль: это провал! Надеть нече-

го! И самое обидное, что гардероб ведь переполнен! Висят в нем какие-то платья, костюмы, блузки... Занимают пространство, собирают пыль, медленно выходят из моды!

Страшный сон любой женщины: места в шкафу нет, но и надеть совершенно нечего!

И тут начинаются страдания...

Достаешь по очереди вроде бы и не старые еще платья, недовольно разглядываешь их и, горестно вздыхая, сразу и категорически отвергаешь. И совсем не важно, что это «старье» ты купила только неделю или максимум месяц назад. Все равно они уже устарели, надоели, стали никчемными и неинтересными...

Такая кошмарная история случается с каждой из нас по несколько раз в году. Так, чисто по-женски, мы терзаем себя время от времени, плавно превращая приготовления к празднику или очередному выходу в свет из удовольствия в бессмысленные мучения. Сегодня у Киры случился как раз такой «скорбный» день.

Время шло.

А Кира, раскрыв двери большого шкафа, все также растерянно хмурилась, глядя на его содержимое.

Что же надеть? Что выбрать?

Вот это? Красное шелковое платье? Она недовольно сморщилась. Нет... Однозначно – нет. Или вот это, темно-синее с оборкой понизу? Нет, не пойдет. А может стоит выбрать вот это зеленое? А что? Строгое, шерстяное, элегантное...

Кира недовольно вздохнула. Нет, все не то... Не то! Хочется чего-то другого, и совсем не обязательно яркого.

Женщина, поправив волосы, опять решительно взялась за свои наряды.

То одно приложила к себе, то другое... Нет, определенно ничего не нравится.

Поджав губы, Кира отошла на два шага от большого зеркала и критически оглядела себя. Постояла, наклонила голову в одну сторону, потом в другую...

Сделала еще шаг назад. Остановилась, опять пристально осмотрела себя и, удовлетворенно пожав плечами, одобрительно кивнула: стройная, худенькая, зеленоглазая. Рыже-медные волосы пышной волной разбросаны по плечам.

Женщина невольно улыбнулась и озорно подмигнула своему отражению: «Ну и пусть сорок лет... Подумаешь!»

Она, наконец, отбросила все сомнения и решительно достала из гардероба черный брючный костюм из тяжелого шелка. Может быть, конечно, мрачновато, и все другие дамы наденут платья в пол, ну и пусть... А она вот появится нынче вечером в костюме. Все, решено.

Сомнения прочь! Слава Богу, мучения закончены!

Она опять подмигнула своему отражению и вслух произнесла:

– Кому не нравится – могут не смотреть!

Кира еще раз придирчиво оглядела выбранный наряд, осталась очень довольная своим выбором.

Вот правильно говорят – надо о себе, любимой, больше думать! А что? Все аргументы – «за»! Ей будет удобно, комфортно, да и костюм, честно говоря, роскошный: струящиеся брюки, пиджак, обнимающий тонкую талию, а кокетливая шлейка сзади – просто чудо! А пуговицы какие! Резные, удивительной формы, строчка необычная, карманы со складками! В общем, то, что надо!

Кира одобрительно хмыкнула, и даже в ладоши хлопнула, радуясь вдруг возникшему чувству свободы. Сразу стало легче, словно камень с души свалился. Теперь главное – успеть вовремя собраться, а то Нина опять свою песню затянет, начнет громко возмущаться.

Ровно в семь подруга позвонила в дверь.

Кира, поправив волосы, широко распахнула дверь:

– Удивительно! Ты сегодня даже не опоздала!

Нинка, войдя в квартиру, восхищенно всплеснула руками:

– Кирюша, ты сногшибательна! Молодчина!

Кира, чуть зардевшись, довольно улыбнулась:

– Нравится? Ну, слава Богу! А то боялась, что ты начнешь возмущаться...

– Да ты что? – Нина нахмурилась, – как я могу? И когда это я тебе замечания делала? Да ты в любом наряде хороша... Красотка!

– Ну, все, все, все, – Кира взяла сумочку и быстро надела шубу, – пойдем, а то опоздаем.

Уже сидя в машине, Нина, искоса взглянув на свою подругу, все-таки, опять не удержавшись, прищелкнула языком:

– Нет, все же я не понимаю!

– Чего? – испуганно дернулась Кира.

Подруга возмущенно пожала плечами:

– И куда нынче смотрят мужики? А? Ведь эдакая красота каждый день по улицам ходит! А они бездействуют. Вот глупцы!

Кира довольно расхохоталась:

– Да успокойся ты, сваха! Хватит! На дорогу лучше смотри, а то еще в сугроб въедешь.

Вечер выдался отменный.

Конец декабря удивлял горожан не столько морозами, сколько тихой и спокойной погодой. Словно природа, при-
смирив, тоже замерла в ожидании нового года. Ни выюг, ни снегопадов, ни ветра – ничего! Только неяркое зимнее солнце, легкий морозец да поутру сказочный иней на ветках деревьев.

Однако красота зимней природы не просто удивляла, а, наоборот, успокаивала уставших от предновогодней суеты горожан, придавала какую-то торжественность и величие.

Зима царствовала.

Ранние вечера, властно берущие город в плен, густыми сумерками раскрашивали улицы и переулки, долгие темные ночи выхолаживали площади и перекрестки, поздние рас-
светы быстро гасли и не давали промерзшему солнечному

диску надолго подниматься на посеревший небосвод.

Декабрь уже заканчивался.

У всего есть свой итог. И у жизни, и у дела, и у года...

Декабрь – это итог. Результат, исход, финал.

Подсчет потраченного времени, потерянных эмоций, растраченных чувств, выплаканных слез, измотанных нервов.

Декабрь – странное время.

Волнующее и томительное. Суетливое и счастливое.

Это время находок и потерь, встреч и расставаний, время прощания и узнавания, очищения и возвращения в детство.

А главное – это время, которое пробуждает любовь.

Итак, декабрь заканчивался.

Михаил Лапин приехал в ресторан раньше всех.

Проверив заранее составленное меню, работу официантов, накрытый большой стол в центре Голубого зала, Михаил присел в стороне возле огромной каменной вазы с неведомым цветущим деревом и попросил чашечку кофе.

Время неспешно бежало.

К половине восьмого стали собираться гости.

Михаил, так долго ожидавший этого дня, с радостью встречал подъезжавших друзей и родственников. Теплые объятия, удивленные восклицания, искренние слезы – все умиляло, расслабляло и создавало неповторимую атмосферу ликования, упоения и семейного счастья. Ничего удивительного в этом и не было, ведь Михаил, три года проживший за рубежом, всего лишь пару раз выбирался в отпуск на

родину, да и то всего на неделю или полторы.

Сегодня Михаила переполняли эмоции, ему хотелось, как в детстве, петь, танцевать, дурачиться и просто обнимать весь мир...

Все смешалось нынче в его душе: и радость возвращения, и былая тоска по родине, и счастье встречи, и нежность к близким.

На чужбине он скучал.

Конечно, работа немного отвлекала профессора, но его нежная и мягкая душа все же страдала от одиночества. Поэтому еще там, в далекой чужой стране Михаил решил, что обязательно соберет всех своих близких, как только вернется в домой.

Сказано – сделано.

И вот сегодня большой ученый – химик, профессор, доктор наук, умный и очень привлекательный мужчина Михаил Лапин встречал дорогих сердцу людей, млея от бесконечного счастья, трепета и какой-то необыкновенной легкости, поселившейся в его сердце с того самого утра, когда он проснулся в своей огромной московской квартире.

Увидев Николая, вошедшего в зал в сопровождении своей жены Веры, Михаил раскинул руки и кинулся к ним:

– Наконец-то! Дружище!

Они долго обнимались, похлопывая друг друга по плечам, что-то беспорядочно восклицая и громко смеясь. Потом, обернувшись, они схватили за плечи и Веру и, хохоча,

вовлекли ее в свои объятия. Так, толкаясь и обнимаясь, они топтались у самого входа в большой Голубой зал, словно расшалившиеся дети.

Вера, пытаясь выскользнуть из их крепких и цепких рук, отчаянно отбивалась, нарочито делая сердитое лицо:

– Хватит! Ну, хватит же... Да отпустите же вы меня! Вот медведи! Ой, ой, прическу испортите... Да остановитесь же, ребята! Ну, что вы как школьники, честное слово!

Друзья только радостно смеялись и кряхтели, сжимая друг друга в сильных объятиях.

Наконец-то, немного успокоившись, Николай отступил на шаг назад и растроганно проговорил:

– Мишка, как же я рад! Ну, просто не верю своим глазам! Дай же посмотреть на тебя, Мишаня! Надеюсь, ты закончил все свои дела с границами, а?

Михаил, поправив светлые волосы и ласково поблескивая глазами, закивал головой:

– Все, все, все... Слово профессора! Теперь буду работать только на ниве отечественной науки. Только здесь! Устал, честно говоря, хочется в родном институте потрудиться. Буду корпеть над книгами и своими склянками в здешних лабораториях, обещаю грызть гранит науки, не разгибая спины.

Николай одобрительно улыбнулся:

– Слава Богу... Я же мальчишкам своим про тебя всегда рассказываю. Про нашу дружбу, про детство, деревню, ры-

балку... Помнишь?

Михаил задумчиво улыбнулся:

– А как же! Сам живу этими воспоминаниями.

Николай вздохнул и, оглядев друга, одобрительно хмыкнул:

– А ты все такой же! Богатырь!

Михаил смущенно ухмыльнулся:

– Да брось ты... Какой я богатырь? Спортom заниматься некогда, с утра до ночи в институте. Да что я тебе рассказываю – ты и сам все знаешь, тоже, наверное, и днюешь, и ночуешь на своей кафедре? Как там мир цифр поживает?

Вера, глядя на них, лишь покачала головой:

– Ну, вот... Началось. А может быть, мы все-таки пройдем за стол? Слышите? А то встали в дверях, ни гостям, ни официантам не даете пройти! Пойдемте же... Вечер долгий, еще наговоритесь. Миша, смотри, вот еще гости приехали, давай иди, встречай. Иди, иди...

Двинувшись навстречу входившим в зал родственникам, Михаил вдруг обернулся:

– Николаша, подожди... А сестра-то твоя где?

Вера, оглянувшись, махнула рукой:

– Она будет, будет... Я ей звонила. Уже едут.

Николай удивленно взглянул на жену:

– Едут? С кем это?

Вера пожала плечами:

– Ну, с кем же еще? С Кирой, конечно. Они такие же, как и

вы с Михаилом – не разлей водой. Всю жизнь вместе... Знаешь же!

Михаил, услышав ее слова, остановился на мгновение, напрягся, пытаясь вспомнить, кто такая Кира. Не получилось... Обычно услужливая память на этот раз не цепляла ни один образ и не складывалась в картинку, поэтому мужчина решил для себя, что подругу Нины он не знает.

– Ну, и хорошо, – Михаил согласно кивнул, – отлично, что едут. Главное, чтобы не сильно опоздали.

К восьми часам все гости, за исключением нескольких задержавшихся, собрались. Михаил, взглянув на часы, кивнул официантам, стоящих возле стены в полной готовности:

– Начинаем, ребята.

Уже отзвучал первый тост и весело зазвенели бокалы, когда в зал осторожно вошли две женщины.

Михаил, узнав в одной из прибывших Нину, сестру Николая, сразу вскочил, чуть не уронив со стола тарелку с холодными закусками.

Ниночка, которую Михаил знал с детства, почти не изменилась. Наступившие сорок лет нисколько не испортили ее высокую, полногрудую фигуру. Короткие черные волосы, уложенные в умопомрачительную прическу, черные, чуть раскосые глаза, лишь подчеркивали чистоту линий лица и довольно светлую для брюнетки кожу. Глядя на нее, Михаил вдруг понял, что маленькая непоседа и стрекоза Нинка, которая ходила за ними с Николаем хвостиком и все время

надоедала им своим любопытством, выросла в прекрасную женщину, гордо несущую миру свою красоту.

Профессор перевел взгляд...

Рядом с сестрой Николая вполоборота стояла вторая гостя – женщина в черном костюме. Лица незнакомки Михаил поначалу не разглядел, потому что Нина, увидев его, весело засмеялась, широко раскинув руки:

– Ой, кого я вижу! Мишка! Каким же ты стал красавцем!

Профессор нарочито нахмурился:

– Как это стал? Хочешь сказать, что раньше я уродом был?

А, Кнопка?

Он, назвав ее как в детстве, подмигнул и довольно рассмехался. А потом тепло, почти по-братски, обнял женщину. Михаил с видимым удовольствием оглядел Нину с ног до головы, расцеловал в обе щеки и не сдержался от рвущихся наружу комплиментов:

– А ты-то! Ты-то до чего хороша. Господи! Куда делась та вредная девчонка, которая нам проходу не давала? А? Ты, Нинка, прямо королевой стала! Глаз не оторвать!

Он закатил глаза, изображая полный восторг:

– Богиня!

Нина довольно улыбнулась и опять кинулась его обнимать:

– Ой, Мишка! Как же я тебе рада... Как же я соскучилась! Сто лет тебя не видела.

Михаил, подняв палец, ее поправил:

– Секундочку! Ни сто, а всего-то три года? Или два? Представляешь, не помню....

Тут Нина вдруг спохватилась:

– Ой, что же я... От радости совсем разум потеряла! Мишка, подожди же! Подожди! Познакомься... Вот.

Нина повернулась направо и жеманно указала рукой на даму, все еще стоящую вполоборота:

– Это Кира – моя лучшая подруга. Самая-самая лучшая. Самая близкая и родная. Вот, знакомься.

Михаил, наконец, послушно обернулся к женщине, скромно стоящей позади Нины, глянул и обомлел...

Улыбка медленно сползла с его лица.

Рядом с Ниночкой стояла дама удивительной красоты. Именно, удивительной. Нельзя сказать, что ее внешность была выдающейся, яркой или поражающей воображение, но что-то в ее облике сквозило такое, что заставляло затаить дыхание, подтянуться, расправить плечи и, робко подняв глаза, лишь почтительно взирать на это редкостное сочетание скромности, изящества, обаяния и, очевидно, ума.

Ниночка, сразу заметив, как изменилось лицо Михаила, хитро прищурилась и, одобрительно кивнув, весело проговорила, азартно щелкнув пальцами:

– Вот-вот, милый мой... Вот! И я о том же! Хороша, да? Ну, давай-давай, знакомься, что ли... Чего покраснел, как девка на выданье? А?

Она расхохоталась, очень довольная произведенным эф-

фектом.

Кира же, чуть растерявшись, неловко покачала головой и первой протянула руку мужчине:

– Ой, да не слушайте Вы эту болтушку... Здравствуйте, очень приятно! Я – Кира.

Михаил, остолбеневший и от сумасшедшего натиска Нины, и от сногшибательной внешности Киры, чуть запоздал с ответным пожатием. Ниночка, заметив и это, опять захотала, толкнув его в бок:

– Да приди же ты в себя! Увалень... А еще профессор!

Мужчина, очнувшись, принял протянутую руку и, выдохнув, улыбнулся:

– Ой, простите мне мою оплошность... Я очень рад. Очень! Странно, что мы раньше не встречались.

Кира хитро улыбнулась:

– Почему же... Мы встречались. Правда, очень давно. Лет десять или двенадцать назад...

Михаил, изумившись, не поверил:

– Неужели? Но этого быть не может! Это невозможно. Я бы Вас запомнил, обязательно!

Нина пожала плечами:

– Вот и я думала, что невозможно! Оказывается, бывает и такое... Я сама вас знакомила. Это точно. Вспомни... На юбилее родителей, кажется. Да, да, да... Но ты, наверное, был очень занят своей очередной химической сенсацией, поэтому ничего и не помнишь. Ладно, это не страшно. Не крас-

ней. И дыши глубже! Теперь, я думаю, ты Киру запомнишь.
Они посмеялись и прошли в зал.

Иногда неожиданная встреча – предвестница больших перемен.

Судьба словно играет с нами...

И от нас зависит, узнаем ли мы в случайном знакомом грядущую любовь или пройдем мимо, не придав значения этому неожиданному свиданию.

Глава 13

Сергей Леонидович ехал домой очень поздно.

До полуночи оставалось всего несколько минут. Сонный город, властно взятый в плен подступившими сумерками, обессиленно затих. Горожане давно отдыхали, забыв на время и о прошедшем дне, и о его бесконечных проблемах. Сергею же, любившему недолгое ночное затишье, эта поездка по спящему городу совсем не казалась обременительной.

И удивляться тут было нечему...

Работе мужчина отдавал большую часть своих суток. Хорошо, что сегодня он вообще поехал домой, ведь если в его родильном доме случались трудные роды или возникала какая-то неординарная ситуация, заведующий частенько оставался и на всю ночь. Конечно же, в больнице всегда дежурили врачи: и реанимационная бригада, и неонатологи, и акушеры, но все же Сергею хотелось держать руку на пульсе событий и лично следить за всем происходящим в этом беспокойном заведении.

Сегодня, слава Богу, тяжелых родов не предвиделось, но ведь в их деле ничего заранее предсказать или предположить невозможно. Поди знай, кого глубокой ночью привезут, кому приспичит родить под утро, когда всем спится особенно сладко.

Сергей повернул ключ в замке и, стараясь не шуметь,

осторожно шагнул в коридор, слабо освещенный ночным светильником, но не успел он захлопнуть за собой тяжелую дверь, как бдительная Люся тут же выскочила ему навстречу, поправляя все еще повязанный фартук:

– Это Вы, Сергей Леонидович?

Мужчина удивленно поднял голову:

– Да, конечно, я... Кто же еще на ночь глядя к нам забредет. А ты чего бродишь до сих пор? Не спится тебе?

Люся деловито пожала плечами:

– Да как же можно? Когда ж мне спать-то? Через два дня Новый год... Вот генеральную уборку заканчиваю.

Сергей Леонидович неодобрительно покачал головой:

– Напрасно это... По ночам, Люся, спать надо.

Домработница развела руками:

– Да разве ж это ночь? Скажите тоже... Без пяти двенадцать всего-то! Вы ужинать будете?

Сергей озадаченно взглянул на нее:

– Ужинать?

Прищурившись подумал и опять взглянул на Люсю:

– Хороший вопрос. Поесть бы надо чего-нибудь, но поздно... Даже не знаю. А, кстати, что у нас там есть?

Люся горделиво выпрямила спину:

– Обижаете! Все у меня есть... Полный холодильник: и голубцы, и пирог с грибами, и салат.

Мужчина довольно ухмыльнулся:

– Ух! Хозяйка ты отменная, конечно... Повезло нам с то-

бой.

Он задумался:

– Знаешь, что, голубушка, голубцы, пожалуй, не нужно, кто ж по ночам горячее ест? А вот салат и кусочек пирога с чаем я съем с удовольствием. Сделаешь?

Люся поспешно кивнула:

– Ну, конечно. Что ж Вы, Сергей Леонидович, спрашиваете? Вы пока руки мойте и переодевайтесь, а я мигом все приготовлю и подам Вам.

Уже удаляясь, она обернулась и шепотом доложила:

– Амалия Карловна уже спит. А Анечки еще нет.

Хозяин остановился и недовольно нахмурился:

– Нет? Как это нет? А где ж она?

Люся развела руками:

– Ну, уж этого я, извините, не знаю, она мне не докладывает...

Она на мгновение умолкла, но тут же добавила:

– А что ей? Дело молодое, пусть гуляет.

Сергей Леонидович, хмурясь, поджал губы, задумчиво покачал головой и неторопливо прошел в кабинет.

Кабинет свой мужчина любил.

Да и как было не любить, если здесь он все устроил именно так, как ему хотелось. Он знал здесь каждую мелочь, каждую деталь, каждый предмет... Сергей Леонидович довольно оглянулся вокруг и улыбнулся, вспомнив, как жарко спорил с женой по поводу здешней обстановки.

В результате Сергей победил! Отстоял, как он потом шутил, свое право на самоопределение.

После довольно долгой и горячей дискуссии они с женой все-таки договорились, что весь дом Амалия обставит по своему желанию и вкусу, а вот эту комнату трогать не станет, оставив ее дизайн и обстановку на усмотрение мужа.

И вот теперь Сергей, оказываясь дома, всякий раз с огромным удовольствием скрывался в своем кабинете, ставшем и местом работы, и убежищем, а иногда, в дни ссор, и спальней: здесь и работалось лучше, и читалось спокойнее, и просто хорошо думалось.

Но сегодня явно был не его день.

Только он включил свет в большой уютной комнате, как дверь широко распахнулась и на пороге показалась Амалия в голубом пеньюаре и таких же голубых тапочках:

– Сережа, что так поздно?

Муж развел руками:

– Привет, дорогая! И ты не спишь? А Люся сказала, что ты уже отдыхаешь, я поэтому и не зашел, боялся тебя разбудить.

Амалия прошла по кабинету и села в глубокое кожаное кресло:

– Мы теперь редко видимся, Сережа. Ты все время в своем роддоме, я – в галерее... Разве это нормально? А?

Сергей Леонидович устало пожал плечами:

– Да, ты права. Не дело это, конечно. Да по-другому не получается.

Амалия порывисто взмахнула рукой, но муж ее опередил:

– А что тебя напрягает? Мне кажется, что это очень даже неплохо: каждый занят своим делом.

Глянув на недовольную жену, пошутил:

– Зато не надоедаем друг другу!

Но Амалия, очевидно, думала по-другому. Она недовольно сморщилась:

– Фу! Нашел над чем смеяться! Ты очень изменился, Сергей. Сергей Леонидович удивленно обернулся к ней:

– Вот тебе раз... Амалия? Что такое?

У тебя плохое настроение?

Жена раздраженно хмыкнула:

– Нет, с моим настроением все нормально. А вот что с тобой?

Тут уже и Сергей Леонидович сдвинул брови:

– Слушай, жена, я и в самом деле не очень понимаю, в чем дело? Ну? Что тебя не устраивает-то? Поздно уже, спать хочется... Можно объяснения до завтра отложить, но если все так плохо, то давай поговорим. Только спокойно и по пунктам... Хорошо?

Амалия, почувствовав его недовольство, раздосадовано фыркнула, резко встала и быстро пошла из комнаты.

Уже у двери она обернулась:

– Мне жаль, что ты не замечаешь, как мы становимся чужими... Ты вообще ничего не замечаешь вокруг. Ничего! Ты занят только своей работой. Ты любишь только, как не смеш-

но это звучит, свой роддом! И меня это беспокоит... Очень!
Дверь громко хлопнула.

Мужчина, озадаченно помолчав, тяжело вздохнул и лишь негромко произнес вслед скрывшейся жене:

– Вот так новости! А я и не знал, что заниматься любимой работой – это преступление.

Хорошее настроение улетучилось в один миг. После этой неожиданной неприятной перепалки в душе остался противный горький осадок и дурное предчувствие вдруг отчего-то сжало сердце.

Однако, не поддаваясь эмоциям, Сергей, не торопясь, переделся и сел в то же самое кресло, в котором несколько минут назад сидела его жена. Хотелось понять, что же такое страшное случилось в последнее время, от чего Амалия так занервничала. Но сколько бы муж не думал, логика рассердившейся жены оказалась ему неподвластна.

В это самое время в кабинет заглянула довольная Люся:

– Сергей Леонидович, я все накрыла. Идите, а то чай остывает.

Мужчина поднял на нее покрасневшие глаза:

– Люся, а ты могла бы принести все сюда? Я заодно немного почитаю, чтобы нервы успокоить. Устал очень...

Люся, работавшая в доме недавно, но уже привыкшая ничему не удивляться, и глазом не моргнула:

– Конечно. Сейчас все сделаю.

И, действительно, уже через несколько минут перед хозя-

ином дымился чай в его любимом хрустальном стакане и серебряном подстаканнике. Большой кусок пирога и салат Люся подала на подносе:

– Вы, как закончите, так на подносе и оставьте. Я позже найду, заберу.

Сергей Леонидович внимательно взглянул на молодую женщину:

– Люся, хватит суетиться. Ну, сколько можно? Завтра ведь тоже будет день? Да? Новый день придет, все закончишь. А если отдыхать не будешь, откуда силы возьмешь? Все. Хватит. Иди спать. Я это все поставлю на поднос и сам принесу на кухню.

Увидев на ее лице возражение, хозяин решительно подвел итог разговора:

– Пусть себе стоит до утра, завтра помоешь. Все, разговор окончен, отправляйся спать.

Люся послушно кивнула:

– Ну, хорошо.

А потом всплеснула руками:

– Ой, а как же я лягу? Анечка придет, кто ей дверь откроет?

Хозяин, нахмурившись, отмахнулся от нее, как от надоедливой мухи:

– Люся! Ну, что ты в самом деле? У нее ключ есть или я открою, в конце концов... Найдем выход, не переживай. Иди спать.

Домработница обрадованно согласилась:

– Да? Ну, тогда, ладно. Спокойной Вам ночи.

Сергей, снисходительно улыбнувшись, кивнул:

– Спокойно, спокойной... Иди уже!

Оставшись, наконец, один, мужчина сделал глоток ароматного чая, пахнущего чем-то терпким, далеким и удивительно приятным, и глубоко задумался.

Разговор с женой, очень неприятный и какой-то бестолковый, его слегка озадачил. Было ясно, что Амалия сильно нервничала и даже не пыталась сдерживать бурлящие эмоции.

Это и раньше, конечно, случалось, но звучало все не так гневно и не столь агрессивно.

Сергей, расправив уставшие плечи, медленно встал и подошел к окну.

Синий сумрак старательно загустил наступившую ночь.

Морозный воздух упрямо раздвигал нависшие над городом низкие тучи, открывая сильно замерзшей земле яркую луну, подозрительно глядящую с небес на планету, объятую предновогодней суматохой.

Тишина, столь редкая в большом мегаполисе, осторожно шагала по темным улицам. Шла крадучись, оглядываясь, робко заполняя собой переулки и перекрестки.

Ночь – время особенное.

А декабрьские ночи, глубокие и длинные, тем более наполнены странной магией и волшебством. Они так зачаровывают своей близостью к новогоднему таинству, что оста-

ется лишь мечтать о несбыточном, надеяться, как в детстве, на чудо и верить в бесконечность счастья.

Сергей, вздохнув, отошел от окна и, взяв в руки стакан с чаем, опять вернулся в свое любимое кресло.

Пытаясь разрешить ребус, загаданный сегодня сердитой женой, он вдруг отчего-то вспомнил первый вечер их случайного знакомства.

Боже мой, как давно и как недавно это было!

Тогда Амалия, прекрасная и уверенная в себе, неожиданно подошла к нему в ресторане. Он, удивленный ее смелостью и решимостью, даже не успел ничего подумать и сказать, как девушка, едва представившись, сразу пригласила его танцевать.

С того далекого-далекого дня их довольно странное знакомство закончилось большой любовью и грандиозной свадьбой.

Искусно сотканное затейницей – судьбой семейное полотно – поражало всех окружающих не только своей редкой красотой, изяществом и крепостью, но и непредсказуемостью.

И только самые близкие люди, прекрасно знающие Амалию, понимали, что иначе и быть не могло.

Амалия – сумасбродная и рассудительная, прекрасная и умная, взбалмошная и безрассудная – не могла оставить никого равнодушным. Ее безумный темперамент, сумасшедшая энергетика и холодный расчетливый ум приводили в шок и трепет любого, кто попадал под ее очарование.

Сергей и их совместная жизнь, естественно, не стали исключением.

Сергей, кстати, и сам до сих пор не очень понимал, как Карл Леманн, амбициозный, обеспеченный и властный человек, отдал свою единственную дочь, наследницу и красавицу Амалию ему, простому врачу, тогда еще даже не заведующему роддомом. Ситуацию осложняло еще и то, что он, неожиданный избранник дочери, оказался старше девушки почти на двадцать лет. И если двадцатилетней Амалии еще можно было простить такое головокружительное, отчаянное увлечение, то ему, умудренному и возрастом, и жизненным опытом, эта влюбленность поначалу даже ставилась в упрек и казалась всем непозволительной роскошью и опрометчивым шагом.

Но ведь не зря говорят, что человек предполагает, а Бог располагает...

Все закрутилось так стремительно и быстро, что Сергей и глазом моргнуть не успел, как вдруг однажды утром осознал, что жить без этой черноглазой бестии уже не может.

Она, воспитанная в изобилии и комфорте, бесконечно увлеченная живописью, капризная и избалованная, оказалось на удивление ласковой, внимательной и заботливой. Несмотря на разницу в возрасте, не он, а она поначалу волновалась о том, как он поел, когда встал, и как себя чувствует. До сих пор дремавшая в ней женская суть проявилась с необыкновенной силой: ей страстно хотелось собственного

дома, уюта и семейного благополучия. Сергей нарадоваться не мог на эту девушку, посланную ему небом так неожиданно, что он еще долго не мог привыкнуть к ее стремительности, энергичности и заботливости.

Им было так хорошо вдвоем! Так хорошо!

Рядом с любимой Сергей забывал обо всем на свете: и о своем возрасте, и своих заботах, и о бесконечных проблемах. Он становился настоящим ребенком: хохотал до упаду, танцевал под дождем, гадал по звездам, пел на два голоса, спал в деревне на сеновале, ловил карасей в пруду...

Они с Амалией бродили по древним улочкам Рима, наслаждались красотой Елисейских полей, любовались старой Прагой...

Все еще не веря своему счастью, Сергей смотрел в бездонные глаза Амалии и, млея от восторга, мечтал и мечтал об их совместном будущем.

И, казалось бы, что еще нужно – только живи и радуйся.

Сергей и радовался.

Он заваливал жену охапками цветов, зацеловывал до полусмерти, звонил по сто раз на день, заказал лучшему портретисту ее парадный портрет и повесил его в гостиной.

Амалия, нежная, заботливая, лукавая и дурашливая, тоже баловала мужа, ухаживала и, что казалось особенно невероятным, даже ревновала Сергея к его работе и к его сослуживцам.

В общем, мир представлялся влюбленным бесконечным,

легким, светлым и добрым.

Но ведь как у всего есть начало, так и у всего есть конец...

Их безоблачное счастье, казавшееся непотопляемым кораблем, впервые дало трещину в тот день, когда врачи, осмотревшие девушку, вынесли Амалии страшный диагноз. Правда, они тогда подтвердили лишь то, что Сергей уже давно подозревал, но не решался озвучить.

Амалия не могла иметь детей.

Никогда.

Вердикт был окончательный и обжалованию не подлежал.

Сказать, что это расстроило девушку, значило ничего не сказать. Амалия рыдала так бурно и безутешно, что Сергей хотел вызывать «скорую». Сначала она просто плакала, потом выла по-бабьи, уткнувшись в подушку, потом голосила, громко причитая и отчаянно сморкаясь. Она решительно заявила мужу, что хочет умереть, что жить теперь незачем, что всегда мечтала иметь троих детей, и что ее отец, нетерпеливо ждущий внуков, этого не переживет...

Казалось, эта страшная ночь никогда не закончится.

Сергей успокаивал любимую как мог....

Терпеливо подавал ей сердечные капли, делал холодные компрессы, заваривал чай с ромашкой, гладил по спутанным волосам. То открывал форточку, то закрывал, то подходил, то уходил... Уговаривал, утешал, просил, но потом, совершенно выбитый из колеи бесконечным потоком слез, не выдержал и заорал что было мочи:

– Амалия! Хватит!

Когда та, затихнув от изумления, на мгновение подняла голову от подушки, он, с грохотом отодвинув стул, завопил, покраснев, как помидор:

– Прекрати! Остановись!! Ты что, думаешь только тебе плохо? А? Как можно?

Заплаканная девушка испуганно всхлипнула и замерла, потрясенно хлопая ресницами:

– Что? Ты это о чем?

Но измученного Сергея уже понесло:

– Как это о чем? Ты хотя бы на мгновение подумала обо мне? Поинтересовалась, а каково мне? Я, между прочим, тоже мечтал стать отцом! Тоже хотел иметь детей... А ты ревешь белугой, словно это только тебя касается!

Амалия опять всхлипнула и ошеломленно прошептала:

– Я – женщина... Для меня важно иметь ребенка!

На что Сергей, уже чуть успокоившись, горько выдохнул:

– Хватит истерик! Не поверишь, я, хоть и мужчина, но хотел детей не меньше тебя. Мне тоже тяжело. Очень.

Девушка внимательно посмотрела на мужа и почти беззвучно произнесла:

– Как же мы жить теперь будем? А? Как? Зачем? Без детей...

У Сергея сердце сжалось от жалости к жене, он подошел, обнял ее и крепко-крепко прижал к себе любимую:

– Все будет хорошо. Обещаю. Я все для тебя сделаю. Успо-

койся. Я что-нибудь придумаю... Обязательно придумаю.

В ту ужасную минуту он и сам не понимал, что говорил. Не осознавал, что обещает невозможное.

Не знал, что наши желания имеют свойство сбываться... В то мгновение Сергей пообещал то, что не могло стать реальностью. Не могло, но стало...

Не скоро. Позже. Однажды декабрьской ночью...

А тогда он целовал ее руки, поправлял одеяло, что-то шептал, и она, веря его обещаниям, затихала, успокаивалась.

Этот случай, впервые потрясший их спокойную, размеренную, счастливую семейную жизнь Сергей старался не вспоминать...

Но слова свои, сказанные в тот жуткий вечер, он запомнил. И судьба, словно подслушав их разговор, помогла безутешному мужчине исполнить данное обещание.

Как? А кому какое дело...

Зато дочь выросла вон какая!

Вот и говорят, никогда ни от чего не зарекайся.

Глава 14

Поля не торопясь шла по деревне.

Настроение, светлое и предпразднично легкое, заставляло беспричинно улыбаться.

Все вокруг казалось спокойным и безмятежным.

– Мороз и солнце, – вдруг подумалось Поле, – точно, как в стихах! Погода нынче редкостная для наших мест: ни ветра тебе, ни метели, ни дождя со снегом. Чудеса да и только! Как раз для праздника природа расстаралась.

Она опять улыбнулась, задумчиво посмотрев куда-то в даль.

Надо же, ведь завтра Новый год!

Даже не верится...

Год пролетел как-то незаметно – словно птица махнула крылом! Хорошего, правда, ничего не случилось, но ведь и плохого не было... И слава Богу! Поля вздохнула: вспоминать ничего не нужно, но и сожалеть не о чем... До чего же хорошо!

Женщина остановилась у края тропинки.

Как там у поэта? Вот моя деревня, вот мой дом родной...

Поля вдруг почувствовала, как глаза ее повлажнили. Это занесенное снегом поселение, раскинувшееся по холмам и окруженное, словно подковой, с одной стороны густым лесом, и есть ее родной дом, который она покидала надолго

только однажды. Да и то, быстро одумавшись, через два года вернулась обратно, съедаемая тоской и отчаянием.

Поля, прищурившись, удивленно покачала головой.

Красота какая! Надо же... Хоть картины пиши!

Большая деревня лежала перед ней, словно на ладони.

Зимой она казалась огромным странным животным, прикрнувшимся у опушки спящего леса.

Дома, замерзшие и съезжившиеся от морозов и снегопадов, глядели на мир маленькими оконцами. Засыпанные снегом крыши, утыканные дымящимися трубами, будто теплые шапки, надежно укрывали небольшие домишки. Воздух, густо пропахший запахами горящих в печках дров и угля, сверкал и переливался в лучах яркого солнца, вдруг появившегося на полинявших небесах.

Поля довольно ухмыльнулась, поправив болтающуюся на плече объемную почтальонскую сумку.

Так вот и стояла бы... И любовалась милым краем.

Она вздохнула: «Вот так живешь всю жизнь, работаешь здесь, ходишь по улицам, а потом вдруг остановишься на мгновение, взглянешь вокруг и сердце обомлеет, зайдет, заколотится... Нет на свете места милее».

Женщина, поправив платок, улыбнулась своим сентиментальным мыслям. Осторожно оглянулась... Не подслушал ли кто ее умильные мысли?

И тут же поспешно шагнула вперед. Все, хватит мечтать. Пора. Надо идти.

В принципе, сегодня можно было и не выходить на работу: ну, какая перед праздником почта? Писем теперь почти не пишут, открытки новогодние тоже давно не шлют, а праздничные телеграммы уж и подавно стали лишь сладким воспоминанием, но привычка каждодневного общения с односельчанами оказалась непреодолимой.

Сегодня было студено. Мороз, разыгравшийся не на шутку и решивший напомнить о себе, стремительно пополз по спине, азартно пощипывая позвоночник, примораживая покрасневшие щеки и замерзающие колени. Почувствовав это, женщина решительно повела плечами и, стряхнув легкое оцепенение, быстро двинулась вперед по крепко утоптанной тропинке, выющейся вдоль поблекших от снега и дождей палисадников и невысоких заборов. Надо спешить...

Но вдруг что-то странное, появившееся внезапно вдали, привлекло ее внимание.

Еще и не спустившись с холма, Поля заметила где-то в самом дальнем конце длинной улицы что-то необычное. Это странное пятно, поднимающееся к небу, на глазах разрасталось, темнело, расплывалось по сторонам.

Приглядевшись, Полина охнула, содрогнувшись от страшной догадки...

Над крохотным домиком, приютившимся почти у околицы, вился зловещим бесформенным облаком темный, почти черный дым, вырывающийся упругим столбом не из трубы, как ему полагалось, а почему-то из окон... Подгоняемая дур-

ным предчувствием, Поля кинулась вперед, холодея от жутких мыслей, вереницей пронесшихся в голове. Бежать пришлось долго. Длинные улицы деревни казались ей бесконечным лабиринтом. Сил хватило не на долго, выдохшись, она остановилась, тяжело дыша и, схватив телефон, стала лихорадочно звонить в контору, чтобы вызвать пожарных. На другом конце провода никто не отвечал...

Сердито кинув бесполезную трубку телефона в сумку, Поля снова понеслась вперед, беспокойно вглядываясь вдаль и то и дело проваливаясь в снег по щиколотку.

Ужасные мысли холодили сердце. О чем только не думалось в эти долгие минуты...

Поля спешила изо всех сил туда, где упрямо клубились клоки черного дыма, поднимающиеся к небу и расплывающиеся вокруг мрачной тучей.

Туда, к околице, уже бежали испуганные мужики, торопились полуодетые соседки, неслись отчаянно лающие собаки...

Деревенский народ издавна боится пожаров. Этот парализующий страх пришел к людям от предков и, пережив столетия, так и остался навсегда в их душах, вызывая необъяснимый трепет и отчаяние.

Сельчане, охваченные паникой и тревогой, сейчас слились в едином порыве...

Кто-то громко голосил, кто-то бежал, натягивал на ходу тулупы и куртки, схватив ведра и толпясь у колодцев... Все

взволнованно переговаривались, суетились, сбиваясь по мере приближения к горящему дому в большую гудящую толпу, похожую на вышедшую из берегов бурлящую реку.

Когда Поля, задыхаясь от быстрого шага, наконец, оказалась рядом, дом уже вовсю полыхал. Он был похож на огромный догорающий факел, тяжело оседающий, озаряющий небо снопами пугающе шипящих и гудящих искр и медленно превращающийся в черный обгоревший сруб. Люди, испуганно галдящие, теперь стояли небольшими кучками и скорбно глядели на уже почти сгоревший дом, рядом с которым суетились пожарные.

Прильнув к женщинам, Поля, тяжело дыша и оглядываясь вокруг, кивнула на пожарище:

– Господи! Что? Что тут такое?

Полногрудая пожилая сельчанка в валенках на босу ногу удивленно взглянула на нее:

– Да ты что, Поль? Не видишь? Сгорел дом-то...

Она всхлипнула, громко сморкаясь:

– Вот беда! Ах, беда какая!

Другая соседка, посмотрела на почтальоншу заплаканными красными глазами, покачала головой и заторопилась, зачастила:

– Ой, Полечка, никто и не знает, с чего началось-то... Я слышу, народ побежал! Мой мужик как вскочил, как закричал, я прямо вся похолодела от ужаса. Прибежали, а тут уже все трещит, полыхает... Люди говорят, вспыхнуло в од-

но мгновение. Ой, ой! Здесь же эти жили, которые...

Поля кивнула:

– Приезжие. Знаю...

Соседка махнула рукой:

– Да, да, да... Те, что летом переехали к нам в деревню.

Вот горе-то! Она-то баба такая хорошая, спокойная, улыбочивая. Полы в конторе по вечерам мыла. А мужика-то у нее не было. Одна ведь горемыка с двумя детьми билась, и вот...

Надо же! Ой, горе какое!

Поля, вздрогнув, наклонилась поближе:

– А что? Что с ней? А?

Полногрудая сельчанка пожала плечами:

– Да кто его знает... Дети-то на улице играли, а она в доме была. Одна. Как вспыхнуло, никто и не видел. Никого ж не было рядом... Она-то там, в доме так и осталась. Пожарные, как приехали, так дверь выбили, вытащили ее, но говорят, обгорела бедняжка сильно. Ой, горемычная... Надо же!

Поля похолодела:

– Жива хоть?

– А кто его знает... «Скорая» ее уже увезла, но фельдшерша наша даже побелела, как ее увидела. Говорит, страшно смотреть... Господи, спаси ее!

Соседка истово перекрестилась.

Поля, охнув, нервно схватила заплаканную женщину за рукав:

– А дети? Дети-то ее где? Живы?

Та, шмыгнув покрасневшим носом, вдруг бестолково зарыдала, заголосила:

– Ой, детоньки, миленькие... Да что ж за беда такая!

Потом, утерев слезы ладошкой, затихла и кивнула в сторону:

– Живы. Вон бедняжки стоят... Ишь, как воробушки нахохлились! Что теперь будет-то? Вот судьба! Отца нет, а теперь и мать вон как попала... В детский дом теперь, наверное, отвезут, куда ж их еще... Ох, сиротиночки!

Худенькая бабенка, прибежавшая последней, сердито ткнула полногрудую соседку в бок:

– Не каркай ты! Грех это! Может, обойдется еще... Откачают в больнице!

Женщины замолчали.

Смахивая слезы, громко сморкаясь и тревожно оглядываясь, они, не сговариваясь, отошли подальше от обугленного остова сгоревшего дома.

Громкий детский плач ударил по ушам, словно хлыст наездника. Сразу очнувшись от оцепенения, бабы разом обернулись туда, где возле деревенского полицейского испуганно топтались малыши. Перепачканные сажей, зареванные, без рукавичек, они стояли, прижавшись друг к другу и растерянно глядели на взрослых людей, беспомощно толпящихся у их бывшего дома.

Полю будто в спину толкнули.

Не думая ни о чем, еще не осознавая своего порыва и не

понимая, что делает, она решительно шагнула к мужчине в форме полицейского, заполняющему какие-то бумаги на капоте служебной машины:

– Можно спросить?

Полицейский, шмыгнув замерзшим носом, недовольно покосился:

– Здорово, коли не шутишь...

Поля шагнула еще ближе, чувствуя, как колотится сердце:

– Здравствуйте... Скажите, а что с ними будет? С детьми?

Мужчина раздраженно поднял глаза от исписанных листов:

– Как что? Определим пока, куда следует...

Поля, нахмурившись, умоляюще схватила его за рукав:

– А куда? Куда следует? Я не поняла... Это что значит?

Полицейский опять удивленно вскинул на нее глаза и сердито сдвинул брови:

– Руки убери!

А потом добавил:

– Это значит, что разберутся... Тебе-то чего нужно?

Женщина пожала плечами:

– Ничего... Просто хотела узнать, куда их теперь отправят?

Мужчина, оглядев ее с ног до головы, пробормотал:

– Да ты что, с луны свалились? Как это куда? Туда, куда положено...

Вздохнул и, сжавившись, уточнил:

– Сейчас, я думаю, в приют или еще куда-то... Ну, а потом уже социальные работники документы в детский дом подготавливают. Это уж как положено, так и сделают, нас с тобой не спросят.

Поля ахнула:

– Почему? Ну, почему сразу приют, детский дом?! А? Ведь их мать жива еще... Говорят же, что жива! Слышите?! И, дай Бог, будет жить. Вы что? Что за бессердечие!

Мужчина, опешив от такого натиска, опять сердито засопел и, покраснев, гневно выпалил, еле сдерживаясь:

– Вот пристала! Пиявка! Да я-то при чем? А куда? Ну? Куда прикажешь их девать? Дом сгорел, родственников нет, мать в больнице... Ишь ты, сердобольная какая... Все вы добренькие, когда вас не касается! Любите указывать да учить людей! Надо же, все такие грамотные теперь стали!

Выпалив все это, полицейский зло сплюнул в сторону, вздохнул и, скосив глаза на притихшую Полю, резко махнул рукой:

– Все, все, все... И нечего тут стоять! Иди своей дорогой. Уходи, не стой над душой...

Насупившись, Поля сделала шаг назад, помолчала, задумчиво глядя вдаль, потом снова медленно перевела взгляд на потупившихся, грязных, испуганных детей, жмущихся друг к другу и вдруг, будто что-то решив для себя, опять осторожно тронула разгневанного полицейского за рукав:

– Извините, извините... Не сердитесь! Я только спрошу. И

сразу уйду. Сразу – обещаю! Скажите, а можно, – она замялась, не зная, как объяснить грозному блюстителю порядка свою просьбу, – как Вы думаете, можно мне их взять к себе?

Хмурый мужчина, обомлев от неожиданности и странности просьбы, подозрительно сдвинул брови:

– Что? Ты что, сдурела? А ну-ка, иди отсюда!

Однако, увидев, что Поля упрямо стоит, не сдвинувшись ни на сантиметр, покачал головой от изумления:

– Ты что – ненормальная? Ты хоть понимаешь, о чем просишь? А? Как это – к себе? Это что? Собачонка или кукла?

Но Поля, уже собравшись с духом, огрызнулась:

– А Вы не кричите!

Полицейский просто остолбенел от такой наглости и, наклонившись к женщине, зло зашипел:

– Убирайся отсюда, а то протокол составляю! Ну-ка, пошла вон!

Полина отошла на несколько шагов и там, почувствовав свою безопасность, опять обернулась к взбешенному мужчине:

– Послушайте... Пожалуйста! Ну, пожалуйста... Ну, прошу Вас!

Тот, поражаясь ее упрямству, развел руками:

– До чего ж ты настырная! Ладно... Говори, но быстро...

Обрадованная Полина заспешила, засуетилась:

– Я правда не понимаю... Почему сразу в приют? Зачем? Они же маленькие! У нас в деревне люди всегда друг другу

помогают... Всегда! И я хочу помочь, что здесь странного?

Полицейский разинул рот от удивления:

– Да какая помощь-то? Ты о чем? Не пойму я... Чего ты хочешь, липучка?

И Полина кинулась, как в омут:

– Пусть они у меня пока поживут?

Мужчина, растерявшись, сначала молча уставился на нее, переваривая услышанное, а потом хлопнул себя по лбу:

– Да ты сдурела, что ли? Господи! Головой же думать надо! Вот баба! Ты не понимаешь, что такими вещами не шутят! Это ж дети!

Терять было нечего, и Поля, сжав кулаки, отчаянно пошла в наступление:

– А я и не шучу! И нечего тут кричать! Вы же при исполнении... Полицейский устало выдохнул:

– Вот именно! А ты мне мешаешь, поняла? Иди отсюда!

Она, потоптавшись на месте, сделала шагок вперед:

– Вы только не кричите, не нервничайте, спокойно меня выслушайте... Ну, что тут такого? Жалко ведь их. Разрешите! Пожалуйста. Ну, почему нельзя? Пусть пока у меня поживут? А? А там видно будет. Ну, что Вы молчите?

Полицейский выпучил глаза и покраснел, как рак:

– Господи! Точно спятила, глупая! Это ж преступление! Да как же я могу тебе детей отдать? Тебе – чужому человеку!? Чужому! Понимаешь ты, горемычная?!

Бабы, услышав их спор, несмело придвинулись поближе.

А сообразив, в чем дело, громко и одобрительно загалдели все сразу:

– Ой, молодец, Польша!

– Ай да девка!

– Ишь, какая у нас почтальонша...

Полицейский, сдвинув брови, сердито глянул на толпящихся баб:

– А ну, замолчите! Не галдите, дайте разобраться... С ума тут с вами сойдешь!

Видя, что Поля не отступает, мужчина отложил в сторону свои бумажки, помолчал, внимательно посмотрел сначала на худенькую женщину, потом на перепуганных малышей. Конечно, ему и самому детей было жалко, да и с полоумной этой спорить надоело, но... Не положено законом чужих детей незнакомцам отдавать. Закон не велит – как тут слушаться? Не ровен час – места лишишься! А то еще и накажут!

Мужчина вздохнул, опять раздраженно сплюнул в сторону и медленно достал телефон. Помолчал еще, о чем-то размышляя, и стал куда-то звонить. Бабы, сбившись в небольшую кучку, бурно обсуждали Полину и ее просьбу.

А Поля, чтобы отвлечься, шагнула к притихшим детям:

– Привет! Ну, как вы тут? Замерзли?

Мальчонка, обняв сестренку за плечи, несмело поднял на незнакомую женщину голубые заплаканные глаза:

– А ты кто?

Поля улыбнулась:

– Я – Поля. Полина. Я здешний почтальон. Разношу письма, пенсии, газеты. У меня сумка есть большая! А тебя-то как зовут?

Малыш доверчиво протянул ей замерзшую ручонку:

– Федор.

Он помолчал, обернулся к сестре, крепко державшуюся за его рукав, и ткнул в нее перепачканным в саже пальцем:

– А это Маруська. Сестра.

Поля ласково кивнула:

– Здравствуй, Маруся.

А потом кивнула им:

– Ну, и хорошо. Вот и познакомились. Слушай, Федор, пойдете ко мне?

Взмахнув белесыми ресницами, мальчуган немного подумал и тихо спросил:

– А мамка?

Поля печально вздохнула:

– Она сейчас в больнице. Дом-то ваш сгорел.

Мальчишка помолчал и как старший принял решение:

– Ладно. Пойдем.

Он опять помолчал и негромко добавил:

– Маруська есть хочет. Она маленькая. А я замерз.

Женщина, почувствовав, как отлегло от сердца, облегченно вздохнула:

– Ну, и Слава Богу! Сейчас пойдем. Я вас накормлю и

спать уложу, и помою...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.